

— Цикл «Персеиды» —

ТМЩЕ. ИЛИ Я СКАЖУ

АМЕЛИЯ БЕЛЛ

Амелия Белл

Тише, или я скажу

«Автор»

2026

Белл А.

Тише, или я скажу / А. Белл — «Автор», 2026

Один метеорит. Семь студентов. Способности, которые никто не просил. Аника может заставить любого человека подчиниться — одним словом. Это не дар. Это приговор. Теперь за ними охотится государственная структура, которая называет их изменёнными. А единственный, рядом с кем Аника не опасна для других — опасен для неё самой. Потому что власть не исчезает. Она привыкает. Резонанс. Книга первая.

© Белл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Персеиды	5
Глава 1. Девочка из угла	7
Глава 2. Приглашение	11
Глава 3. Пятница, особняк, лес	15
Глава 4. Первый вечер	19
Глава 5. Падение	24
Глава 6. Те, кто остался на ногах	28
Глава 7. Ночь после	33
Глава 8. Осколки под кожей	37
Глава 9. Воскресенье	43
Глава 10. Понедельник. Тест	50
Глава 11. Правила работы	56
Глава 12. Огонь и лёд	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Амелия Белл

Тише, или я скажу

Пролог. Персеиды

13 августа

Я пишу это левой рукой, потому что правая третий час не слушается.

Врачи сказали бы – нервное. У них для всего есть аккуратные слова. Нервное истощение. Посттравматический синдром. Возрастные изменения, хотя мне сорок семь, а не девяносто. Если бы они видели, что я видел сегодня ночью в небе, они тоже стали бы искать слова поприличнее. Люди любят названия. Назвал – и вроде подчинил.

С осколками так не работает.

Тридцать два года назад я стоял в поле за нашим городом и держал в руках чужой велосипед. Украденный, если честно. Пятнадцатилетним идиотом я был недолго, но тогда хотел доехать до речки быстрее всех, а хозяин велосипеда оставил его у клуба без замка. Тогда мне казалось, что мир устроен просто: если успел первым – значит, твоё. Если не поймали – значит, не виноват.

Поле пахло пылью, пылью и чем-то сладким, прелым, как яблоки под забором у старухи Пашковой. Небо было чёрное, огромное. Лето уже собиралось уходить, но ещё притворялось, что останется. Трава цеплялась за штанины, кузнечики трещали так громко, будто ругались.

Я выехал за город один. Сказал матери, что пойду к Вадьке, а сам покатил к холму, откуда лучше всего было смотреть на звёзды. Тогда все говорили про Персеиды. В газетах писали, что будет красивый звездопад. В школе учительница физики сказала: «Не пропустите, дети, такое бывает раз в год». Будто в год не хватает того, что хочется пропустить.

Я лёг на спину прямо в траву, рядом положил велосипед и стал ждать.

Первые метеоры пролетали тонко, быстро, почти стыдливо. Белая царапина на небе – и нет. Я считал их до двадцати семи, потом сбился. Думал загадать желание, но не смог придумать, чего хочу. Денег? Чтобы мать перестала плакать по ночам? Чтобы отец вернулся и признал, что был неправ? Чтобы у меня были новые кроссовки, как у Славки Захарова?

Глупости. Все желания в пятнадцать лет глупые, даже когда они страшно серьёзные.

Потом небо вспыхнуло.

Не молнией. Молния режет. Это же будто кто-то поднял из-за горизонта второе солнце, злое и синее. Я закрыл лицо руками, но всё равно видел свет сквозь веки. Он бил прямо внутрь черепа. Велосипед рядом звякнул, упал на бок, колесо лениво провернулось.

Я хотел встать. Не смог.

Земля подо мной дышала. Поле, травы, камни, корни – всё дрожало, будто у мира поднялась температура. А потом что-то пролетело над холмом с таким звуком, будто небо затянуло воздух сквозь зубы. Я успел подумать: самолёт падает.

Но самолётов тогда не было.

Удар случился далеко, за старым карьером. Пыль поднялась выше леса. Потом пошла волна, горячая и сухая. Она ударила меня в грудь и выкатила из травы, как пустую бутылку. Я разбил губу, набил рот землёй и почему-то сразу подумал о матери: она будет ругаться за рубашку.

Я дошёл до дома под утро. Велосипед оставил в поле. Потом, спустя неделю, его нашли мальчишки и вернули хозяину. Хозяин сказал, что я урод. Я согласился, хотя он не знал главного.

Главное началось утром.

Мать порезала палец ножом, когда резала хлеб. Маленький порез, обычный, тонкая красная линия. Она только ойкнула, а я свалился со стула, потому что боль вспорола мне палец. Мой. Я видел её кровь, а чувствовал свою. Потом соседская девочка упала во дворе и разбила коленку – я сел на лестнице и не мог дышать. Дальше было хуже. Город оказался полон чужой боли. У кого-то болели зубы. У кого-то поясница. У кого-то сердце. У старика с третьего подъезда болело всё сразу, и я молился, чтобы он не выходил из квартиры.

Мне понадобилось десять лет, чтобы понять: я не сумасшедший.

Ещё пять – чтобы научиться не чувствовать всех подряд.

И почти всю жизнь – чтобы принять, что это не дар.

Даром называют то, что можно положить на ладонь и сказать спасибо. А это пришло без спроса. Вошло в меня, как ржавый гвоздь в доску, и осталось. Иногда я думаю, что оно выбрало меня случайно. Иногда – что я просто был удобным местом для удара.

Но сегодня я увидел небо и понял: случайностей не было.

Персеиды возвращаются.

По телевизору уже говорят про редкий метеоритный рой и геомагнитный всплеск. Ведущая улыбается так, будто сообщает о скидках в торговом центре. Учёные дают объяснения. Люди выкладывают видео. Все радуются красивому небу.

Я тоже когда-то радовался.

Сейчас за окном три часа ночи. В доме напротив на кухне горит свет. Женщина в жёлтом халате стоит у раковины и плачет. Я не знаю её имени, но её боль уже полчаса сидит у меня под рёбрами. Муж, наверное. Или сын. У людей всегда есть кто-то, кто умеет делать больно особенно точно.

На столе передо мной лежит старая карта падений. Я собирал её двадцать лет. Красные точки, синие, чёрные. Каждая – место, где кто-то после неба перестал быть прежним. Я долго думал, что осколки падают туда, куда их несёт. Теперь вижу другое.

Они ищут.

Не самых сильных, не самых добрых и не тех, кто просил. Они ищут трещины. Места, где человек уже надломлен, но ещё держится. Туда проще войти.

Сегодня одна из точек вспыхнула рядом с Москвой.

Я не знаю, кто там был. Девочка. Мальчик. Пьяная компания студентов. Старик на даче. Кто угодно.

Я знаю только одно: кто-то завтра проснётся и обнаружит, что мир отвечает ему другим голосом.

И если ты читаешь это, значит, либо я не успел тебя найти, либо ты нашёл меня слишком поздно.

13 августа.

Персеиды возвращаются.

Молитесь о тех, кого они найдут.

Глава 1. Девочка из угла

Люди говорят слишком много.

Даже когда молчат.

Вот сидит Лена Белова на первой парте, листает телефон и делает вид, что слушает. На самом деле ждёт сообщения. Не от подруги – от парня, с которым поссорилась вчера вечером. Она каждые полминуты поправляет браслет на запястье. Всегда так делает, когда нервничает.

У окна два парня спорят о ставках перед матчем. Один громкий, второй злится молча. У второго уже белеют костяшки пальцев на ручке. Ещё немного – и он скажет что-нибудь резкое.

На последнем ряду кто-то ест шоколадку. Очень старается не шуршать. Поэтому шуршит особенно громко.

А я стою у доски с маркером в руке и понимаю: Сергей Матвеевич опять опаздывает.

На двадцать минут.

Отлично.

– Коллеги, – сказала я.

Меня никто не услышал.

Ну конечно. Почему бы третьему курсу слушать практикантку, если можно обсуждать футбол, личную жизнь и шоколадку?

Я постучала маркером по столу. Резко. Некрасиво.

Зато работало.

Все обернулись.

– Спасибо, – сказала я и постаралась выглядеть спокойной. Получилось, наверное, средне. – Начнём. Сегодня у нас подчинение авторитету. Первый вопрос неприятный. Если человеку в белом халате велят причинить боль незнакомцу, сколько людей откажутся?

– Все нормальные, – сказала Лена.

– То есть большинство?

– Ну да.

Кто-то кивнул. Кто-то хмыкнул. Один парень на заднем ряду пробормотал:

– Смотри сколько платят.

По аудитории пошёл смешок.

Я тоже почти улыбнулась.

– Милгрэм тоже надеялся на большинство, – сказала я. – Психиатры прогнозировали около одного процента тех, кто дойдёт до максимального напряжения. Реальность оказалась хуже.

Мне нравилась эта тема.

Не потому, что она была красивой. В ней не было красоты. В ней было то, что люди обычно прячут под словами «я бы никогда».

Я бы никогда предал.

Я бы никогда подчинился.

Я бы никогда сделал больно, если бы мог остановиться.

Очень удобные слова. Пока кто-нибудь не ставит рядом человека в белом халате и не говорит: продолжайте.

Я говорила двадцать минут. Про эксперимент. Про ответственность, которую люди перекладывают на систему. Про то, что фраза «я просто выполнял инструкцию» не оправдывает, а только показывает, где человек решил перестать быть человеком.

Последняя фраза вышла слишком пафосной.

Я это поняла сразу.

Лена, например, вздохнула так, словно ей выдали мораль вместо зачёта.

Я взяла паузу.

– Ладно, проще, – сказала я. – Человек часто делает гадости не потому, что он чудовище. Иногда ему просто очень удобно верить, что отвечает кто-то другой.

Вот это они слышали.

Несколько человек даже записали.

Сергей Матвеевич появился за пять минут до конца пары. Тихо вошёл, сел на последний ряд и стал слушать. Я заметила его не сразу. Когда заметила, сбилась, но он кивнул: продолжай.

Спасибо, конечно. Очень помогло. Сердце всё равно ушло куда-то в район желудка.

После семинара он подошёл ко мне, пока студенты выходили из аудитории.

– Хорошо, Аника.

– Спасибо.

– Только тихо. Последние ряды теряешь.

– Я постараюсь громче.

– Не в громкости дело. – Он собрал мои распечатки в аккуратную стопку. У него всегда были сухие руки и длинные пальцы, как у пианиста. – Ты говоришь так, будто просишь разрешения стоять у доски.

Я улыбнулась.

Плохо, кажется.

– А надо не просить?

– Желательно нет. Хотя для начала можно делать вид.

– Учту.

Он посмотрел на меня поверх очков.

– Ты слишком много видишь в людях, Соколова. Это полезно для психолога. И опасно для человека.

Вот за что я не любила преподавателей старой школы: они говорили простые гадости и называли это воспитанием.

А Сергей Матвеевич говорил умные вещи так, что потом весь день ходишь и пытаешься понять, где именно тебя задело.

– Я не специально, – сказала я.

– Верю. Но люди редко любят, когда их видят без разрешения.

Я хотела ответить. Не нашла что.

Наверное, он был прав.

Меня с детства называли наблюдательной. Мама говорила – чуткая. Бабушка – тихоня. Одноклассники – странная. В школе это звучало почти как диагноз. Если сидеть у окна, отвечать только когда спрашивают и не лезть в чужие разговоры, тебя быстро перестают трогать.

В университете стало легче.

На психфаке странность почти сходилась за профессиональный навык. Достаточно добавить пару слов: эмпатия, анализ, динамика, паттерн. И вот ты уже не девочка, которая слишком долго смотрит на чужие руки, а будущий специалист.

Очень удобно.

После пары я спустилась в столовую. Народу было много. Жареное, кофе, мокрые куртки и дешёвый парфюм смешались в один обычный университетский запах.

Я взяла капустный салат и чай.

Даша появилась через три минуты.

Она всегда появлялась так, будто кто-то включал в комнате свет. Рыжий хвост, серги-кольца, яркая помада, рюкзак на одном плече, лицо человека, который уже решил, что день будет интересным, и теперь спорить бесполезно.

– Ты опять ешь капусту, – сказала она, падая на стул напротив. – Соколова, ты вообще человек?

- По документам.
- Не верю. Нормальные люди после семинара берут булочку.
- Булочка стоит как две капусты.
- Вот поэтому ты грустная.
- Я не грустная.
- Ты сидишь у батареи, которая не работает, с лицом бедной сиротки из экранизации

Достоевского. Не спорь, я вижу.

Я хотела сказать, что обычно вижу здесь я.

Не сказала.

Даша всё равно бы не оценила.

Она поставила передо мной второй стакан кофе. Подкуп. Прямой, наглый и пахнущий корицей.

- Аня, у нас сегодня важный разговор.
- Если ты опять про бар в четверг, то нет.
- Обожаю, когда ты заранее ошибаешься. В пятницу мы едем к Максиму Вронскому.
- Я перестала жевать.

Фамилия была знакомая. Не лично, конечно. Максим Вронский учился на юрфаке, устраивал вечеринки, знал половину университета и, по слухам, мог договориться с кем угодно о чём угодно. Красивый, богатый, опасно обаятельный. Типичный человек, рядом с которым я обычно становлюсь мебелью.

– Зачем?

– Проводить лето.

– Лето можно проводить дома.

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что дома ты опять будешь читать что-нибудь про поведенческие искажения и пить чай из кружки с котом. А тебе нужно жить.

– Я живу.

– Ты функционируешь.

– Звучит обидно.

– Я старалась.

Она улыбнулась так, что спорить стало трудно.

– Там будет лес, дом, нормальные люди, музыка, шашлыки и, возможно, любовь всей твоей жизни.

– Мне уже страшно.

– Значит, организм просыпается.

Я отпила кофе. Он был сладкий. Даша знала, что я пью без сахара, и всё равно купила сладкий. Специально. Чтобы я меньше сопротивлялась.

– Я никого там не знаю.

– Знаешь меня.

– Это слабое утешение.

– Очень сильное. Я социальный бронезилет.

– Бронезилеты обычно не тащат людей в места, где по ним могут стрелять.

– Не душни. Едем.

Я посмотрела в окно столовой. На улице ветер гонял по асфальту жёлтый лист, хотя август ещё не закончился. Лист крутился у бордюра и никак не мог выбраться.

Очень символично.

Очень глупо, что я это заметила.

– Даша, я не люблю вечеринки.

- Никто не любит вечеринки до третьего бокала.
- Я не пью.
- Тогда до третьего чужого скандала. Там ты оживёшь профессионально.
- Я засмеялась.
- Она сразу ткнула в меня пальцем.
- Видишь? Уже лучше.
- Я подумаю.
- Нет, ты согласишься.
- Это разные вещи.
- Для тебя – да. Для мира – нет.
- Она достала телефон, открыла чат и начала что-то печатать.
- Что ты делаешь?
- Пишу Максиму, что мы едем.
- Даша!
- Поздно. Он поставил сердечко.
- Я уставилась на неё.
- Ты ужасный человек.
- Зато полезный.

Вечером я долго ходила по комнате в общежитии и пыталась решить, злиться на Дашу или благодарить. Комната была маленькая: кровать, стол, шкаф, полка с книгами, облупленный подоконник. На подоконнике стояла кружка с засохшей кисточкой внутри. Не моя. Предыдущей соседки. Я всё собиралась выбросить и всё забывала.

Мама написала: «Как день?»

Я ответила: «Нормально. В пятницу, возможно, поеду за город с ребятами».

Три точки появились сразу.

Потом исчезли.

Потом снова появились.

«С какими ребятами?»

Я вздохнула.

«С Дашей. Университетская компания. Всё нормально».

«Не пей много».

Я даже не успела написать, что вообще не собираюсь.

Следом пришло: «И смотри по людям. Ты это умеешь».

Вот именно.

Я слишком хорошо смотрела по людям.

Поэтому и боялась ехать.

Ночью я так и не уснула сразу. Лежала и представляла особняк Вронского: много света, громкие люди, чужие комнаты, в которых надо будет выбрать правильное место и не мешать. Представляла Дашу, которая смеётся, как будто мир принадлежит ей. Представляла себя у стены с пластиковым стаканом.

Потом почему-то вспомнила слова Сергея Матвеевича.

Люди редко любят, когда их видят без разрешения.

А если вдруг я увижу что-то, что не должна?

Утром я написала Даше: «Ладно. Поеду».

Она ответила через секунду:

«Я знала. Одевайся красиво. Или я приеду и наряжу тебя сама».

Я посмотрела на сообщение и впервые за день улыбнулась.

Немного.

Глава 2. Приглашение

В пятницу Даша ворвалась ко мне без стука.

Я сидела на полу перед открытым рюкзаком и пыталась решить, брать ли вторую пару джинсов.

– Ты серьёзно? – спросила она.

– Что?

– Аня, мы едем на вечеринку в особняк. Не в экспедицию за лишайниками.

– Я не знаю, какая там погода.

– Там август.

– Август в Подмосковье – понятие условное.

Даша присела рядом, вытащила из моего рюкзака толстую книгу по когнитивной психологии и посмотрела на неё с брезгливым уважением.

– Это зачем?

– Читать.

– На вечеринке?

– Вдруг будет пауза.

– Соколова, если на вечеринке у Вронского появится пауза, значит, кто-то умер.

Книгу она всё-таки оставила. Сказала, что без неё я начну нервничать и испорчу людям настроение своим печальным лицом. Потом достала из шкафа моё чёрное платье. То самое, которое я купила год назад на распродаже и ни разу не надела.

Платье было красивое.

В этом и проблема.

Красивые вещи требуют человека, который умеет быть красивым внутри них. Я таким человеком себя не чувствовала.

– Надевай, – сказала Даша.

– Нет.

– Почему?

– Оно слишком...

– Нормальное.

– Даша.

– Аня.

Мы смотрели друг на друга.

Она победила.

Через десять минут платье лежало в рюкзаке, а я всё равно была в джинсах.

– Трусиха, – сказала Даша.

– Практичный человек.

– Трусиха в джинсах.

– Зато с книгой.

– И этим ты гордишься?

– Немного.

На парковке у главного корпуса уже стояли три машины и маленький автобус. Кто-то проверял колонки, кто-то курил, кто-то обнимался так, будто не виделся не со вчера, а с войны. Пакеты с чипсами переходили из рук в руки. Бутылки звякали в багажнике.

Слишком много людей.

Слишком много голосов.

Я остановилась на краю и сразу пожалела, что согласилась.

Даша рядом чувствовала себя прекрасно. Поздоровалась с одними, крикнула другим, у кого-то отобрала электронку со словами «ты же бросила, дурочка». Я стояла рядом и чувствовала себя сумкой, которую временно поставили на асфальт.

– Аня, ты со мной, – решила она. – Мы едем с Львом.

– У кого?

– У Льва Орлова. Он нормальный.

– Это описание или предупреждение?

– И то и другое.

Я увидела его у тёмной машины. Высокий, худой, с собранными назад волосами и лицом человека, который уже пять раз пожалел, что согласился быть водителем. Он стоял чуть в стороне от общей суеты, крутил ключи на пальце и смотрел на происходящее спокойно. Не отстранённо. Скорее так, будто всё уже оценил и решил не вмешиваться, пока никто не горит.

Рядом с ним спорил Максим Вронский.

Максима я узнала сразу. Даже если бы никогда не слышала его фамилию, всё равно поняла бы: хозяин. Он не кричал, не суетился, не размахивал руками, но все вокруг как-то сами подстраивались под него. Высокий, светловолосый, в белой рубашке с закатанными рукавами. Улыбка мягкая. Глаза внимательные.

Такие люди опасны.

Они не дают.

Они предлагают, и ты уже почти согласился.

– Даша! – Максим заметил нас и улыбнулся шире. – Наконец-то. А это Аника?

– Она самая. Не пугай, она новая.

– Я не пугаю новых. Я бережный.

– Это неправда, – сказал Лев, даже не повернув головы.

Максим рассмеялся.

– Орлов сегодня в ударе. Аника, рад знакомству.

– Взаимно, – сказала я.

И сразу поняла, что сказала слишком официально.

Даша пихнула меня локтем.

– Она нормальная. Просто сначала выглядит как человек, который хочет уйти.

– А потом? – спросил Максим.

– Потом тоже, но уже с симпатией.

– Отличное качество.

Он открыл багажник, забрал у Даши сумку и легко закинул её внутрь. Мою трогать не стал. Посмотрел вопросительно.

Я сама поставила рюкзак.

Мелочь.

Я её заметила.

– Едем? – спросил Лев.

– Едем, – ответила Даша за всех.

В машине пахло мятной жвачкой, чистой тканью и чем-то древесным. Даша заняла заднее сиденье у окна, я села рядом. Впереди оказался парень по имени Артём Белый. Невысокий, тёмноволосый, в очках, с книгой на коленях. Он поздоровался и почти сразу вернулся к чтению.

– Что читаешь? – спросила Даша.

– Биографию человека, который умер давно и поэтому безопасен.

– Звучит как идеальный мужчина.

Артём поднял глаза.

– Он был женат четыре раза.

– Снимаю вопрос.

Лев завёл машину. Музыка включилась негромко. Не та, под которую хочется разговаривать. Та, под которую удобно молчать.

Я смотрела в окно.

Город уходил назад. Университетские корпуса, остановки, киоски с кофе, серые многоэтажки, люди с пакетами. Всё привычное становилось меньше. Впереди была дорога, лес и дом, где меня никто не знал.

Это должно было радовать.

Меня тошнило от волнения.

– Ты впервые едешь к Максиму? – спросил Артём, не отрываясь от книги.

– Да.

– Тогда не садись за стол рядом с Викой.

– Почему?

– Она вовлекает.

– Во что?

– Во всё.

Даша засмеялась.

– Не слушай его. Вика чудесная.

– Я не говорил, что она не чудесная, – ответил Артём. – Я сказал, что она вовлекает.

Пожар тоже может быть красивым.

– У тебя все сравнения тревожные?

– Не все. Некоторые скучные.

Я поймала в зеркале взгляд Льва. Он смотрел на дорогу, но, кажется, слушал нас. На секунду наши глаза встретились в отражении. У него был спокойный взгляд. Слишком спокойный для человека, который везёт трёх почти незнакомых людей за город.

Я первая отвела глаза.

Даша заметила.

Конечно.

– Аня, дыши.

– Я дышу.

– Лицом нет.

– Лицом не дышат.

– У тебя – дышат. Сейчас лицо говорит: спасите меня, я в социальной ситуации.

– Очень смешно.

– Я старалась.

Мы остановились на заправке через час. Максим подъехал следом на другой машине. Из неё вывалилась Вика Ершова – рыжая, яркая, в зелёном платье и тяжёлых ботинках. За ней вышел Никита Горин. Огромный парень в чёрной футболке, с таким видом, будто может молча переставить заправку на другое место.

– Люди! – крикнула Вика. – У кого есть шоколад?

– У тебя в руке, – сказал Никита.

– Это стратегический.

– А нужен какой?

– Эмоциональный.

Она увидела меня и тут же направилась ко мне.

Я даже шагнуть назад не успела.

– Ты Аника? – спросила Вика.

– Да.

– Прекрасно. Я Вика. Если Даша начнёт рассказывать, что я опасная, верь. Но не полностью.

– Я уже немного верю.

– Умная. Мне нравится.

Она обняла меня.

Просто взяла и обняла, будто мы давно знакомы.

Я напряглась. Потом поняла, что она не ждёт от меня правильной реакции. Отпустила быстро и побежала ругаться с Максимом из-за плейлиста.

– Видишь? – сказала Даша. – Всё хорошо.

– Она меня обняла.

– Да.

– Мы знакомы тридцать секунд.

– У Вики время считается иначе.

Я посмотрела на Льва. Он стоял у машины, пил кофе из бумажного стакана и наблюдал за Викой так, будто давно привык к её пожарам и всё равно держал рядом огнетушитель.

Странная компания.

Очень странная.

И почему-то мне стало чуть легче.

До дома Вронских мы добрались к вечеру.

Особняк оказался не таким, как я представляла. Я думала – стекло, бетон, бассейн, дорогой забор. А он стоял старый, деревянный, с каменным первым этажом, широким крыльцом и окнами, в которых отражался лес. Дом выглядел так, будто его много раз перестраивали, но он всё равно сохранил своё упрямое лицо.

– Добро пожаловать, – сказал Максим. – Не ломайте ничего, что выглядит дороже вашей стипендии.

– То есть всё? – уточнила Даша.

– Особенно всё.

Вика первая влетела внутрь. Никита понёс пакеты. Артём поднял свою книгу, как щит. Даша потащила меня за собой.

На пороге я оглянулась.

Лес стоял совсем близко. Тёмный, густой, с влажным запахом земли и хвои. Над верхушками деревьев уже бледнело вечернее небо.

В нём мелькнула тонкая белая черта.

Очень быстро.

Я моргнула.

Ничего.

– Ань, ты идёшь? – крикнула Даша.

– Да.

Я вошла в дом и решила не думать о небе.

Получилось плохо.

Глава 3. Пятница, особняк, лес

Дом Вронских шумел так, будто давно ждал нас и теперь никак не мог нарадоваться.

Сначала хлопали двери. Потом кто-то уронил сумку на лестнице, и по ступеням покатились банки с энергетиком. Две разбились. Пол стал липким, пахнущим искусственной клубникой, а Максим, хозяин дома и человек с самым спокойным лицом среди всех присутствующих, только махнул рукой.

– Не страшно. Тряпка под раковиной.

– Где раковина? – спросил Никита. Он держал в одной руке спортивную сумку, а в другой – пакет с чем-то стеклянным и явно алкогольным.

– На кухне.

– А где кухня?

– Там, где пахнет едой.

Никита подумал, кивнул и пошёл не туда.

Я стояла в холле с рюкзаком на плече и пыталась не улыбаться слишком явно. Почему-то не хотелось сразу показывать, что мне нравится. Дом был громкий, чужой, слишком живой. Люди проходили мимо, смеялись, звали друг друга по именам, которых я не знала. Пахло мокрой обувью, сыростью леса, старым деревом и дорогими духами.

И всё равно внутри что-то осторожно расправлялось.

Может быть, потому что здесь никто не знал, какой я должна быть.

– Ань, ты чего застыла? – Даша толкнула меня плечом. – Пойдём комнату займём, пока нормальные не разобрали.

– Нормальные – это какие?

– Где кровать не скрипит от одного взгляда.

– Ты уже проверяла?

– Я человек опыта.

На втором этаже было теплее. В коридоре пахло пылью, старым лаком и чем-то травяным. Комнаты располагались по обе стороны. Двери почти все были открыты. Ребята заглядывали внутрь, бросали вещи на кровати, спорили, кто с кем будет жить.

– Нам сюда, – решила Даша и толкнула дверь плечом.

Комната оказалась маленькой: две узкие кровати, старый шкаф и окно с видом в сад. На подоконнике лежала мёртвая муха. Недавняя. Я почему-то сразу заметила её и не стала убирать.

– Отлично, – сказала Даша. – У нас есть вид на деревья и труп.

– Муха.

– Сегодня муха, завтра кто знает.

Я бросила рюкзак на кровать у стены.

– Ты умеешь поддерживать.

– Я умею создавать атмосферу.

Она открыла шкаф. Внутри висели три пустые вешалки, а на нижней полке лежала засохшая ветка. Даша достала ветку, посмотрела на неё и положила обратно.

– Пусть лежит.

– Она уже не живёт.

– Не занудствуй.

Через десять минут мы спустились вниз. В гостиной уже двигали мебель. Кто-то подключал колонку. Кто-то спорил, где лучше поставить стол. Максим ходил с телефоном и одновременно отвечал на пять вопросов.

– Вронский, где ножи?

- На кухне.
- Где кухня?
- Никита, ты опять?
- Я не Никита!
- Тогда тем более страшно.
- Вика стояла на столе и приклеивала гирлянду к стене.
- Ершова, слезь, – сказал Лев.
- Не командуй мной, Орлов.
- Ты стоишь на старом столе.
- Он выдержит.
- Он трещит.
- Это он радуется.

Стол действительно трещал.

Никита молча подошёл, поднял Вику со стола за талию и поставил на пол.

- Предатель, – сказала она.
- Да.
- Я тебя любила.
- Пройдёт.

Она ткнула его пальцем в грудь и тут же рассмеялась.

Я смотрела на них и не понимала, как люди так умеют. Ссориться без страха, что мир сейчас развалится. Говорить громко. Касаться легко. Уходить и возвращаться в один разговор без проверки, не стало ли всё хуже.

Даша принесла мне стакан воды.

- Ты опять включила режим наблюдателя.
- У меня лицо такое.
- Нет. У тебя лицо «я сейчас напишу курсовую про этих людей».
- Было бы интересно.
- Вот видишь.

Она показала мне кухню. Большую, старую, с зелёной плиткой у плиты и длинным столом, за которым уже резали овощи. Там я познакомилась с Кирой.

Кира Вейс сидела на подоконнике и чистила яблоко маленьким ножом. Очень тонко. Кожура сходила с яблока одной длинной лентой. У неё были светлые волосы, почти белые, и прозрачные глаза. Даже не красивые. Странные. Словно она смотрела не на тебя, а на то место, где ты будешь через минуту.

- Это Аника, – сказала Даша. – А это Кира. Она иногда пугает людей, но не нарочно.
- Иногда нарочно, – поправила Кира.
- Видишь?

Кира посмотрела на меня.

- Ты не хотела ехать.
- Это было заметно?
- Да.
- Настолько?
- Нет. Просто Даша за тебя слишком громко радуется.

Даша прижала руку к груди.

- Клевета.
- Правда, – сказала Кира.
- И опять занялась яблоком.

Я села рядом, на свободный стул. Не знаю почему. Может, потому что рядом с Кирой было тише. Не спокойнее – именно тише.

– Ты давно знаешь Максима? – спросила я.

– Давно.

– Он хороший?

Кира подняла глаза.

– Сложный.

– Это ответ?

– Честный.

Отлично. Сложный хозяин, странный дом и люди, которые ведут себя так, будто живут на пределе громкости. Я сделала глоток воды.

На кухню заглянул Максим.

– Все живы?

– Пока, – сказала Вика от плиты.

– Прекрасно. Аника, как тебе дом?

Все почему-то посмотрели на меня.

Я не была готова.

– Большой.

Даша закрыла лицо рукой.

Максим рассмеялся.

– Дипломатично. Обычно говорят «красивый» или «страшный».

– Он и красивый, и страшный.

– Вот это уже лучше.

Он задержал взгляд на мне на секунду дольше, чем нужно. Неприятно не было. Было только внимание, слишком точное для первого вечера. Я сразу вспомнила слова Сергея Матвеевича про людей, которые не любят, когда их видят без разрешения.

Максим тоже видел.

Только делал это легче.

Поздно вечером в гостиной стало тесно. Кто-то танцевал. Кто-то сидел на полу. Кто-то пытался играть на гитаре три аккорда и очень гордился. Я устроилась у книжного шкафа, потому что там было безопасно. Книги никогда не требуют, чтобы ты танцевала.

– Ты прячешься? – спросил Артём.

Он возник рядом с чашкой чая.

– Да.

– Хорошее место. Я его раньше занял, но могу поделиться.

– Спасибо.

Мы постояли рядом. Очень удачно помолчали.

– Ты тоже не любишь вечеринки? – спросила я.

– Люблю наблюдать за последствиями.

– Профессиональная деформация?

– У меня нет профессии.

– Тогда личное хобби.

Артём подумал.

– Пусть будет хобби.

Где-то рядом Даша спорила с Викой о песне. Никита ел бутерброд. Максим стоял у камина и разговаривал сразу с тремя людьми. Лев сидел на подлокотнике кресла и смотрел в телефон, но я была почти уверена, что он всё слышит.

Потом Максим поднял стакан.

– Так, внимание. Я скажу тост, пока никто не разбил ещё что-нибудь ценное.

– Поздно! – крикнули из коридора.

– Тогда особенно важно.

Все засмеялись и устроились кто где: на диванах, на полу, на подоконниках, у дверей. Вика села на стол, Даша – на спинку кресла, Никита держал тарелку с бутербродами, Артём остался у книжного шкафа.

– Я не умею говорить тосты, – сказал Максим.

Все снова засмеялись, потому что он, конечно, умел.

– Правда. Каждый год пытаюсь придумать что-то новое и каждый год говорю одно и то же. Лето заканчивается. Мы становимся старше. Умнее – как повезёт. Но пока мы можем собраться в доме посреди леса, пить, спорить, влюбляться, делать глупости и утром жалеть не обо всём – надо пользоваться.

– За надежду! – крикнула Вика.

– За живых, – сказал Максим.

Все подняли стаканы.

Я тоже.

И в этот момент в окне за его спиной что-то мелькнуло. Тонкая белая черта в небе. Очень быстрая.

– Первая, – негромко сказала Кира.

Кроме меня, её никто не услышал.

Глава 4. Первый вечер

В первую ночь я почти не спала.

Снизу до трёх часов спорили о музыке. Потом кто-то пел под гитару. Потом Даша вернулась в комнату, запнулась о мой рюкзак, прошептала «ой» с таким ужасом, будто совершила убийство, и рухнула на кровать прямо в платье.

Я лежала с открытыми глазами.

Мне мешал дом.

Он скрипел, вздыхал трубами, шуршал старой древесиной. В общежитии тоже всегда были звуки: шаги в коридоре, вода в душевой, чужие будильники, телефонные разговоры за стеной. Но там звуки были человеческими. Здесь казалось, что сам дом ворочается во сне.

Кира сидела на подоконнике до рассвета.

Я несколько раз открывала глаза и видела её силуэт на фоне тёмного окна. Колени подтянуты к груди, волосы рассыпаны по плечам, в руках – кружка. Она не пила. Только держала.

– Ты не спишь? – спросила я после очередного скрипа.

– Нет.

– Всё нормально?

– Нет.

Я приподнялась на локте.

– Что случилось?

Кира повернула голову. В темноте её лицо казалось совсем белым.

– Пока ничего.

Ну прекрасно.

Вот что мне нравилось в новых знакомствах: никогда не знаешь, кто из них просто странный, а кто странный с последствиями.

– Это должно успокоить? – спросила я.

– Не знаю.

Она снова посмотрела в окно.

Я хотела спросить ещё. Не спросила. У каждого человека есть право сидеть ночью на подоконнике и пугать соседей недосказанностью. Наверное.

Утром меня разбудил голос с кухни:

– Нет, яичницу на двадцать человек нельзя делать в одной сковородке!

Я открыла глаза и некоторое время смотрела в потолок. Потолок был не мой. Белый, с трещиной у люстры, похожей на сухую ветку. За окном светило утро. Не раннее, но чистое, августовское. Такое бывает в самом конце лета, когда оно уже собирает вещи, но ещё делает вид, что остаётся.

Даши в комнате не было.

На соседней кровати осталась смятая простыня, на полу – платье, на подоконнике – один носок. Мёртвая муха лежала там же. Я посмотрела на неё и подумала, что в этом доме даже мёртвые насекомые выглядят старинно.

Глупость.

Я умылась в ванной на этаже. Зеркало там мутнело по краям, а кран сначала издал звук, будто из него выпускали духа, и только потом дал воду.

В коридоре никого не встретила. Дом после ночной вечеринки был уже другим: не весёлым, а помятым. На перилах висела чья-то толстовка. На ступенях стоял пустой стакан. В гостиной на диване спал незнакомый парень с рукой на лице. Я прошла мимо на цыпочках, хотя он храпел так, что его можно было будить оркестром.

Кухня, наоборот, жила.

Там было человек десять, и каждый делал вид, что участвует в завтраке. На самом деле Вика управляла процессом, Даша сидела на столешнице с кружкой кофе и морально поддерживала, Никита резал хлеб ломтями толщиной с учебник, а Максим пытался починить тостер.

– Доброе утро, – сказала я.

– Аня! – Даша подняла кружку. – Ты жива. Я проверяла ночью, но ты спала лицом в подушку и выглядела так, будто тебя нельзя трогать.

– Меня правда нельзя трогать, когда я сплю.

– Запомню и нарушу.

– Кофе? – спросил Максим.

– Да, пожалуйста.

Он налил мне из кофейника в большую кружку с надписью «Сочи 2008». Ручка у кружки была отколота сверху, и пить нужно было осторожно. Кофе оказался слишком крепким. После первой горькой волны мир стал понятнее.

– Садись, – сказала Вика. – Завтрак скоро будет. Если Никита не порежет батон вместе со столом.

– Я контролирую, – ответил Никита.

– Именно это меня и пугает.

Лев вошёл последним. В руках у него был пакет с продуктами, волосы влажные после душа, лицо спокойное. Он поставил пакет на стол и молча вытащил молоко, яйца, зелень, хлеб.

– Орлов, ты святой, – сказала Даша. – Я думала, мы умрём без нормального хлеба.

– Все умирают, – ответил Артём из угла. – Но не сегодня.

– Оптимист нашёлся.

Лев посмотрел на меня.

– Ты спала?

– Немного.

– Дом шумный.

– Дом живой.

– Это ты ещё подвал не слышала, – сказала Вика. – Он ночью разговаривает.

– Зачем ты это говоришь человеку, который впервые здесь ночует?

– Чтобы адаптация шла быстрее.

Я села за стол и впервые за сутки почувствовала себя не лишней. Не своей, конечно. До этого было далеко. Но уже не человеком, которого случайно забыли на чужой кухне.

После завтрака все разошлись кто куда. Кто-то снова лёг спать. Кто-то пошёл к озеру. Вика заявила, что хочет показать мне сад, потому что «иначе ты будешь думать, что мы тут только пьём и морально разлагаемся».

Сад оказался заросшим. Не заброшенным – живым и упрямым: яблони, мокрая трава, старая беседка, кусты смородины у забора. Вика шла босиком по траве, держа туфли в руке.

– Тебе у нас страшно? – спросила она.

– Немного.

– Нормально. Мне тоже было страшно, когда Максим впервые привёз меня сюда.

– Ты давно его знаешь?

– С первого курса. Он тогда был ещё хуже.

– Хуже?

– Обаятельнее.

Я не поняла, шутит она или нет.

Вика сорвала зелёное яблоко, надкусила и скривилась.

– Кислое. Значит, живое.

– Это странная логика.

– У меня вся логика странная.

Мы дошли до беседки. На скамейке лежала старая шахматная фигура. Конь. Белый, с отколотым ухом.

– Почему у вас в саду шахматы?

– Потому что у Вронских везде что-нибудь лежит. Этот дом копит мусор, как бабушка – пакеты.

Я подняла фигуру.

Она была холодная.

– А кто здесь жил раньше?

– Родители Максима. Дед. Прадед. Не знаю. Династия людей, которые умели делать вид, что у них всё под контролем.

– У Максима получается.

– У него получается лучше всех.

Вика сказала это легко, но я слышала под лёгкостью что-то другое.

Усталость?

Злость?

Нет. Осторожность.

– Ты ему не доверяешь? – спросила я.

Она посмотрела на меня внимательно.

– А ты быстро.

– Прости.

– Не извиняйся. Я сама болтаю.

Вика села на перила беседки.

– Я доверяю Максиму. Иногда. В правильных дозах. Он не плохой. У него другая проблема: он умеет решать за людей так красиво, что они потом ещё спасибо говорят.

Очень точное описание.

И очень неприятное.

– А Лев? – спросила я неожиданно для себя.

Вика усмехнулась.

– Орлов? С ним проще. Он не решает за людей. Он просто стоит рядом так, что ты сама начинаешь вести себя приличнее.

– Звучит подозрительно.

– Всё подозрительно, Аника. Добро пожаловать во взрослую жизнь.

Я хотела ответить, но в этот момент со стороны леса раздался крик.

Не страшный. Радостный.

– Купаться! – орала Даша. – Кто не идёт, тот трус и социальный овощ!

Вика прыгнула с перил.

– Ну что, социальный овощ?

– Я не брала купальник.

– У меня есть запасной.

– Почему?

– Потому что я Вика.

Это был исчерпывающий ответ.

К озеру пошли почти все. Тропа вела через лес, мягкая от хвои и влажной земли. Я шла рядом с Дашей и пыталась не думать о ночных словах Киры: пока ничего.

Пока.

Очень неприятное слово.

Озеро оказалось небольшим, тёмным, с деревянным настилом у берега. Ребята сразу начали шуметь. Никита прыгнул первым, подняв фонтан брызг. Даша визжала, потому что

вода холодная. Максим смеялся и снимал всё на телефон. Лев остался на берегу, сел на край настила и закатал рукава.

– Ты не купаешься? – спросила я.

– Нет.

– Почему?

– Не люблю, когда под ногами не видно дна.

Ответ был простой. Но сказал он его так, что я поняла: это не про озеро. Или не только про озеро.

– Я тоже.

Он посмотрел на меня.

– Тогда садись.

Я села рядом. Между нами было расстояние. Нормальное. Безопасное. И всё равно я чувствовала его сильнее, чем всех кричащих в воде.

Некоторые люди слишком заметны, даже когда молчат.

– Тебе здесь неуютно, – сказал он.

– Это вопрос?

– Наблюдение.

– Я думала, это моя специальность.

– Может, у нас совпадение.

Я усмехнулась.

– Мне нормально. Просто много людей.

– Можно уйти, если станет слишком.

– Даша обидится.

– Даша переживёт.

– Ты её плохо знаешь?

– Достаточно.

Он не улыбнулся, но в голосе что-то смягчилось.

Из воды прилетели брызги. Даша попала в меня почти идеально.

– Аника! Хватит строить серьёзное лицо! Иди сюда!

– Я думаю!

– Вот именно! Прекращай!

Лев подал мне полотенце, хотя я ещё даже не встала.

– Ты всегда такой предусмотрительный? – спросила я.

– Нет.

– А когда?

– Когда есть смысл.

Непонятный ответ.

Очень раздражающий.

И почему-то я запомнила его.

Вечером, когда все устали от озера, еды и шума, Максим предложил выйти смотреть Персеиды. Он сказал это так буднично, будто звёздный дождь был пунктом расписания между шашлыками и настольными играми.

– Сегодня пик, – объяснил Артём. – Если не будет облаков, увидим много.

– А если будут? – спросила Даша.

– Тогда будем смотреть на облака и делать вид, что они тоже космос.

К полуночи мы вышли на поляну за домом. Кто-то вынес пледы, кто-то – термос. Вика притащила подушку и объявила, что подготовилась к контакту с вселенной. Никита молча лёг рядом с ней. Максим спорил с Артёмом о том, можно ли называть метеоры падающими звёздами. Даша устроилась у меня под боком и тут же забрала половину моего пледа.

- Загадывать желание надо? – спросила она.
- Можно.
- Ты будешь?
- Не знаю.
- Загадай, чтобы перестала думать по любому поводу.
- Это слишком нереалистично.
- Ладно. Тогда загадай нормальную жизнь.

Я посмотрела в небо.

Оно было огромным. Чёрным, глубоким, с россыпью звёзд, которые в городе почти не увидишь. В детстве я любила такие ночи. Потом разучилась. Без особой причины: стало некогда смотреть вверх.

Первая звезда прочертила небо тонкой белой линией.

Кто-то ахнул.

Потом вторая.

Третья.

Люди вокруг заговорили громче. Смех стал ближе. Даша схватила меня за рукав.

– Увидела?

– Да.

Кира, лежавшая рядом, вдруг села.

– Что? – спросила я.

Она смотрела вверх.

– Он не должен быть таким.

– Кто?

Она не ответила.

Высоко над нами появилась новая точка. Сначала похожая на остальные. Потом ярче. Слишком яркая. Она не исчезала. Росла, наливалась бело-синим светом, тянула за собой длинный след.

– Ничего себе, – сказал кто-то.

– Снимайте! – крикнул Максим.

Я лежала на спине и смотрела, как точка становится больше.

Красиво, подумала я.

Это была последняя мирная мысль, которая у меня была.

Глава 5. Падение

Свет ударил в глаза.

Свет не вспыхнул красиво и не рассыпался звёздной пылью, как в кино.

Он ударил.

Я лежала на пледе, смотрела вверх и не успела даже закрыть лицо: небо вдруг стало белым. Поляна, люди, деревья, Даша рядом – всё исчезло в этом белом. На секунду я перестала понимать, где верх, где земля и как вообще держится тело.

Потом пришёл звук.

Он был хуже света.

Гром обычно катится сверху. Этот звук пошёл снизу – через траву, через рёбра, через зубы. Будто кто-то огромный ударил кулаком по дому, лесу и мне одновременно.

Меня подбросило.

Или отбросило.

Я не поняла.

Плед выскользнул из-под спины. Дашина рука, которая держала мой рукав, выскользнула. Я упала на бок, ударилась плечом о землю и вдохнула горячую пыль.

Рот сразу наполнился песком.

Кто-то закричал.

Потом ещё кто-то.

Потом много.

Я открыла глаза и сначала решила, что ослепла. Всё было серым. Не чёрным, а серым, будто кто-то насыпал в воздух пепел и велел нам через него смотреть.

– Даша, – сказала я.

Голоса почти не было.

Только сип.

Я перевернулась на живот. Плечо отозвалось болью, но боль была нормальной. Хорошей даже. Значит, плечо есть. Значит, я тоже, наверное, есть.

– Даша!

Она лежала в двух метрах от меня. Волосы закрывали лицо. Одна нога была странно согнута, и я успела испугаться так сильно, что во мне всё выключилось.

Я поползла к ней.

Ноги не слушались. Сломаны они не были; мозг ещё не договорился с ними после удара.

– Даш. Даша, слышишь?

Она застонала.

Живая.

Я почти рассмеялась от облегчения. Получилось что-то похожее на кашель.

– Ты меня слышишь?

– М-м.

– Скажи что-нибудь.

– Ненавижу... космос.

Вот тут я уже точно рассмеялась. И сразу закашлялась.

– Нормально. Дыши.

– Я дышу, – прошипела Даша. – Плохо, но с характером.

Только после этого я увидела дом.

Восточное крыло горело.

Не весь особняк – только та часть, где вечером я видела высокие окна, старую фотографию и длинный коридор. Теперь там была дыра. Стена вывернулась наружу, балки торчали в небо, как сломанные кости. Изнутри валил дым, красный от огня.

Искры летели вверх.

Небо, которое ещё минуту назад было красивым, смотрело на нас спокойно.

Как будто ничего не сделало.

– Все назад! – крикнул Максим.

Он бежал к дому.

Конечно.

Вот кто вообще бежит к горящему дому? Максим Вронский, видимо. В белой рубашке, теперь серой от пыли, с кровью на скуле и лицом человека, который уже взял ответственность, хотя никто не просил.

Лев догнал его почти у крыльца.

– Вронский, стой!

– Там люди!

– Ты не знаешь, где обвал!

– Я знаю дом!

– Дом только что взорвался!

Максим попытался вырваться.

Лев схватил его за плечо. Не сильно. Но так, что Максим остановился.

Я это заметила.

Странно заметила. Вокруг горел дом, Даша стонала рядом, кто-то плакал в траве, а я увидела именно пальцы Льва на плече Максима. Спокойные. Жёсткие. Без паники.

– Никита! – крикнул Лев.

Никита уже был у крыльца.

Он выглядел огромным даже на фоне пожара. Лицо в пыли, футболка порвана на плече, но двигался он быстро. Слишком быстро для человека его размера. Он подскочил к перекошенной двери, рванул.

Дверь не открылась.

Никита выругался, упёрся ногой в косяк и дёрнул ещё раз.

Дерево треснуло.

Не дверь. Косяк.

– Чёрт, – сказала Даша рядом.

– Лежи.

– Я лежу. Но чёрт.

Никита выломал дверь.

Просто выломал.

Она отлетела внутрь с таким звуком, будто дом не ожидал подобной наглости.

Вика уже была рядом с ним.

– Ершова! – крикнул Максим. – Назад!

– Сам назад!

Она закрыла лицо рукавом и нырнула в дым.

– Вика! – Никита бросился за ней.

Лев посмотрел на Максима.

– Ты остаёшься.

– Не командуй мной.

– Тогда думай сам и оставайся.

Максим замер на полсекунды. Потом развернулся к поляне.

– Кто может ходить – сюда! Кто не может – кричите! Не геройствуйте!

Его голос сработал.

Люди начали двигаться. Медленно, криво, но начали. Кто-то помогал подняться соседу. Кто-то тащил плед. Кто-то искал телефон. Парень в зелёной толстовке сидел на земле и повторял: «Я ничего не слышу». Девушка рядом держала его за руку и орала ему прямо в лицо, хотя он всё равно не слышал.

Я пыталась поднять Дашу.

– Можешь встать?

– Сама не знаю.

– Проверим.

– Если я умру, заberi мой красный свитер. Он тебе не идёт, но я не хочу, чтобы он достался моей сестре.

– Ты не умрёшь.

– Тогда всё равно заberi, она его растянет.

Я почти подняла её, когда земля под ногами снова дрогнула.

Не сильно.

Но все замерли.

В доме что-то рухнуло. Глухо, тяжело. Пламя рвануло выше.

Из дыма выскочила Вика. Кашляя, с чёрным следом на щеке. За ней Никита тащил какого-то парня, почти волоком. Парень был без сознания.

– Медики! – крикнул Максим.

– Какие медики? – заорал кто-то. – Тут нет медиков!

– Тогда те, кто умеет не паниковать!

Никто не двинулся.

Потом Даша подняла руку.

– Я умею паниковать организованно.

– Сиди, – сказала я.

– Я не сижу. Я лежу. Разница унижительная.

Но она всё-таки попыталась подняться.

Я помогла.

Мы дошли до края поляны. Там уже собирали раненых. Кто-то принёс аптечку из машины. Кто-то звонил в скорую. Кто-то плакал и мешал всем сразу.

Кира стояла чуть в стороне.

Совсем белая.

Не от пыли. От ужаса.

Она смотрела не на дом. На небо.

– Кира! – позвала я.

Она не ответила.

Я оставила Дашу на пледе и подошла к ней.

– Кира, ты ранена?

– Я видела.

– Что?

– Это уже было.

– Что было?

Она наконец посмотрела на меня.

Глаза у неё были такими, будто она не спала неделю.

– Не так. Не здесь. Не с нами. Но было.

Я хотела спросить ещё, но в этот момент из дома донёсся крик.

Викин.

Короткий.

Никита рванул обратно.

Лев перехватил его на бегу.

– Горин!

– Она там!

– Она вышла!

– Нет!

И тут я увидела Вику у бокового входа. Она стояла на коленях, кашляла и держала ладони перед собой.

На ладонях у неё горел огонь.

Не отражение.

Не искра от пожара.

Огонь сидел у неё на коже, как живой.

Вика смотрела на него с таким лицом, словно это не её руки.

– Вика, – сказал Никита.

Она подняла на него глаза.

Огонь погас.

Никита остановился за шаг до неё.

Не потому, что испугался. Он как раз не испугался. Это было видно.

Он остановился, потому что она испугалась сама.

– Не подходи, – сказала Вика.

– Хорошо, – сказал Никита.

И сел на землю рядом.

Не близко.

Рядом.

Я смотрела на них и думала, что это невозможно.

Потом вспомнила дверь, которую Никита вырвал вместе с косяком.

Потом свет, который ударил мне в горло. Горло до сих пор болело, хотя я не кричала так сильно.

Потом Киру.

Потом то, что черта в небе не должна была падать сюда. Не так. Не в дом.

– Аника! – позвала Даша.

Я обернулась.

Она сидела на пледе и держалась за щеку. Кровь текла по шее тонкой полоской.

– Иди сюда, психолог недоделанный. Мне надо, чтобы ты делала серьёзное лицо рядом.

Так я меньше нервничаю.

Я пошла к ней.

Потому что это было хотя бы понятно.

Сесть рядом. Держать салфетку у её щеки. Говорить, что скорая едет. Не смотреть на Викины руки. Не смотреть на Никиту, который выломал дверь. Не смотреть на Киру, которая видела что-то до того, как оно случилось.

Не смотреть на Льва.

Потому что Лев смотрел на меня.

Так, будто уже заметил во мне то, чего я сама ещё не знала.

Глава 6. Те, кто остался на ногах

Пожарные приехали через двадцать минут.

Или через час.

После падения время стало резиновым. То растягивалось до невозможности, то схлопывалось в одну секунду: сирена, вода, чужие руки, плед на плечах, вопрос «фамилия?», снова сирена.

– Соколова Аника?

– Да.

– Возраст?

– Двадцать.

– Жалобы есть?

Я хотела сказать «нет».

Потом где-то в восточном крыле с треском упала балка, и все на поляне дёрнулись. Даже пожарный рядом со мной.

– Голова болит, – сказала я. – Горло першит.

– Дымом надышались?

– Наверное.

Он посветил мне в глаза маленьким фонариком.

– Не спать ближайшие пару часов. Если начнёт тошнить – к медикам. И не геройствовать.

– Я не геройствую.

Он посмотрел на меня, потом на Дашу, которая сидела рядом с забинтованной щекой и пыталась командовать людьми, не вставая с пледа.

– У вас тут все так говорят.

– Мы учимся.

Он ушёл к следующему.

Даша проводила его взглядом.

– Симпатичный.

– Он только что сказал тебе не вставать.

– Заботливый.

– Даша.

– Что? Катастрофа катастрофой, а вкус никто не отменял.

Голос у неё был бодрый. Слишком бодрый. Значит, плохо.

Я села рядом и отдала ей бутылку воды.

– Пей.

– Ты говоришь как моя мать.

– Она права?

– Часто. Это бесит.

Она сделала глоток и поморщилась.

– Щёку тянет.

– Сильно?

– Терпимо. Зато будет шрам. Скажу, что дралась с метеоритом.

– И победила?

– Морально.

На другом конце поляны Максим разговаривал с полицией. Уже не улыбался. Совсем. Белая рубашка почернела у рукавов, волосы сбились, на скуле засохла кровь. Он выглядел не как хозяин вечеринки. Скорее как человек, которому только что выставили счёт за всё, чем он привык владеть.

– В доме кто-то остался? – спросил полицейский.

– Нет, – сказал Максим. – Мы проверили.

– Кто проверил?

Пауза.

– Мы.

– Кто именно?

Максим посмотрел на Никиту.

Никита стоял у машины, пока медик перевязывал ему плечо. Рубашку пришлось разрезать. Под тканью был длинный порез, глубокий, неприятный. Никита смотрел не на рану, а на Вику. Вика сидела на багажнике другой машины, завернув руки в мокрое полотенце, хотя ожогов на ней не было.

Вообще не было.

– Я, – сказал Максим. – И ещё несколько человек.

Полицейский что-то записал.

Ложь была не очень хорошей. Но, кажется, нужной.

Лев стоял чуть дальше, рядом с Артёмом. Они говорили негромко. Вернее, Лев говорил, а Артём смотрел на дом так, будто слышал его мысли и они ему не нравились.

Я поймала взгляд Льва.

Он подошёл.

– Как ты?

– Отлично. Метеорит, пожар, Даша ранена, Вика подожгла собственные руки без спичек, Никита выломал дверь. Обычный вечер.

– Аника.

– Не знаю.

Это был самый честный ответ.

Он сел рядом на корточки, чтобы не нависать. Я почему-то это заметила.

– Тебя осматривали?

– Да.

– Голова?

– Болит.

– Тошнит?

– Нет.

– Зрачки проверяли?

– Ты врач?

– Нет.

– Тогда почему звучишь как врач?

– Потому что если я начну звучать как человек, который испугался, будет хуже.

Даша подняла палец.

– Мне нравится эта честность. Продолжайте.

Лев посмотрел на неё.

– Вы тоже пейте воду.

– Уже. Вы все сговорились.

Он протянул мне вторую бутылку.

– Кира где?

– Там.

Кира сидела у старой яблони, обхватив колени. Рядом с ней был Артём. Не слишком близко, но рядом. Он держал в руке кружку с чаем, но, кажется, забыл ей отдать.

– Она сказала, что видела это, – произнесла я.

Лев не удивился.

Вот это было хуже всего.

– Ты знал?

– Нет.

– Но не удивился.

– После Викиных рук и двери Горина мне трудно выбирать, чему удивляться первым.

Даша тихо сказала:

– Отличный список. Можно я в нём буду просто красивой пострадавшей?

– Можно, – ответил Лев.

Она кивнула.

– Спасибо. У меня сегодня нет сил быть сюжетно важной.

Я бы засмеялась, если бы не увидела, как Вика подняла ладони.

Полотенце упало ей на колени.

На пальцах снова вспыхнул огонь.

Маленький. Синий у основания, жёлтый сверху. Как пламя на газовой плите. Только плиты рядом не было.

Вика не закричала.

В этот раз нет.

Она смотрела на огонь так внимательно, словно пыталась его запомнить, чтобы потом объяснить себе, почему не сошла с ума.

Никита шагнул к ней.

– Не надо, – сказала она.

Он остановился.

– Хорошо.

– Я не знаю, что это.

– Я тоже.

– У меня руки горят.

– Вижу.

– И ты просто стоишь?

Никита подумал.

– Ты сказала не подходить.

Вика закрыла глаза.

Огонь погас.

– Чёртов правильный человек.

– Как умею.

Она засмеялась. Один раз. Резко. Потом заплакала.

Никита так и не подошёл.

Но сел на землю напротив неё.

Опять.

И почему-то от этого стало больнее.

Максим подошёл к нам через несколько минут.

– Полиция хочет, чтобы все оставались до утра.

– Почему? – спросила Даша.

– Потому что в мой дом врезался метеорит.

– Слабый аргумент.

– Передам.

Он опустился на траву рядом, и на секунду стало видно, как он устал. Устал некрасиво и без драмы. Он сел слишком тяжело, и этого хватило.

– Восточное крыло закрыли, – сказал он. – Спать будем в западной части и гостиной. Кто может уехать с родителями – утром. Сейчас дорога перекрыта.

– А если кто-то не хочет спать в доме, куда прилетело небо? – спросила Даша.

– Можно спать в машине.

– Я подумаю.

Максим посмотрел на меня.

– Аника, ты точно в порядке?

– Почему все спрашивают меня так, будто я знаю?

Он моргнул.

Потом кивнул.

– Справедливо.

На секунду мне стало стыдно. Он не был виноват в метеорите. Наверное. Странная мысль, но мозг после катастрофы ищет виноватого, как телефон сеть.

– Прости, – сказала я.

– Не надо. Я сегодня хозяин худшего мероприятия года. И это ещё мягко сказано.

– В топе точно.

Он почти улыбнулся.

Потом посмотрел на дом, и улыбка исчезла.

– Там была библиотека, – сказал он. – В восточном крыле. Дедова. Он никому не разрешал трогать книги. Я в детстве думал, что если открыть неправильную, дом рухнет.

– Точно не из-за книги, – сказала Даша.

– Спасибо.

– Ну, вдруг ты переживал.

Максим фыркнул.

Это помогло.

Немного.

К полуночи пожар потушили. Дом уже не горел, но дым всё ещё поднимался из пролома. Пахло мокрой гарью, землёй, металлом и чем-то сладким, отвратительным. Медики уехали не все. Полиция осталась. Нас пересчитали три раза. Каждый раз кто-нибудь не отзывался сразу, и у меня внутри всё падало.

Потом нашёлся.

Потом опять.

Лев проводил меня, Дашу и Киру до нашей комнаты.

Даша шла, держась за перила.

– Если я завтра буду героически бледной, не мешайте.

– Хорошо, – сказала я.

– И если кто-то спросит, я спасла трёх детей, собаку и семейный портрет.

– Детей здесь не было.

– Не душни, Ань. Я ранена.

Кира шла молча.

У двери она вдруг остановилась.

– Не спите у окна.

Я тоже остановилась.

– Почему?

– Не знаю.

– Кира.

Она сжала пальцы на кружке, которую всё ещё держала. Чай давно остыл.

– Просто не спите у окна.

Даша посмотрела на меня.

– Сегодня я готова не спорить с ведьмой.

– Я не ведьма, – сказала Кира.

– Сегодня все не то, чем были утром.

Кира не ответила.

В комнате было темно. Окно выходило на сад и кусок восточного крыла. Я не хотела смотреть, но всё равно посмотрела.

В проломе мерцали фонари спасателей.

Комната пахла пылью. На подоконнике всё ещё лежала мёртвая муха.

Я взяла подушку с кровати у окна и переложила её на пол у стены.

Даша без слов сделала то же самое.

Кира села у двери.

– Ты спать будешь? – спросила я.

– Нет.

– Почему?

Она посмотрела на окно.

– Потому что когда закрываю глаза, вижу, как это падает снова.

Я не нашла, что ответить.

Поэтому села рядом.

Иногда ответов нет.

Есть только пол, плед и человек, которому страшно не меньше, чем тебе самой.

Глава 7. Ночь после

Ночью дом не спал.

Люди ходили по коридорам, открывали двери, шептались, плакали в телефоны, искали зарядки, одеяла, воду и друг друга. Кто-то смеялся слишком громко и сразу замолкал. Кто-то ругался с родителями. Кто-то сидел на лестнице и смотрел в одну точку.

Всё было как после обычной вечеринки.

Если не считать выбитого крыла, запаха гари и полицейской ленты за окном.

Я сидела на полу у стены. Даша лежала рядом на матрасе и делала вид, что спит. Очень плохо делала. Каждый раз, когда в коридоре раздавался резкий звук, она открывала глаза.

Кира сидела у двери.

– Тебе неудобно, – сказала я.

– Да.

– Ляжешь?

– Нет.

– Почему?

– От двери видно окно.

Я посмотрела на окно. Шторы были задёрнуты, но снизу оставалась узкая щель. Снаружи мигал синий свет машины МЧС.

– Ты думаешь, что-то ещё упадёт?

– Нет.

– Тогда что?

Кира молчала.

Даша приподнялась на локте.

– Кир, я сегодня пережила космический булзжик. Мне можно прямой ответ.

Кира провела пальцем по краю кружки.

– Я видела не падение.

– А что?

– После.

В коридоре кто-то прошёл мимо двери и остановился. Мы все замолчали.

Шаги ушли дальше.

Кира заговорила тише:

– Я видела людей в белом коридоре. Не больница. Слишком чисто. Стены без окон. На полу красная линия. Кто-то говорил: «объект нестабилен». Потом ты, Аника. Ты стояла за стеклом и говорила что-то, но я не слышала.

У меня пересохло во рту.

– Это было сейчас? После метеорита?

– Не знаю.

– Кира, это важно.

Она вдруг рассмеялась. Тихо и неприятно.

– Я понимаю, Аника. Правда. Мне самой было бы удобнее получать будущее с датами, адресами и пояснительной запиской.

Даша села.

– Ладно. Я за прямые ответы, но без убийства друг друга, пожалуйста. У нас лимит на катастрофы.

Кира закрыла лицо руками.

– Простите.

Я хотела сказать, что ей не за что.

Но было.

Не за видение. За то, что она оставила нас с ним в комнате.

И за это тоже нельзя было злиться.

Очень неудобно.

В дверь постучали.

Мы вздрогнули все трое.

– Это я, – сказал Лев за дверью.

Даша выдохнула.

– Если он сейчас красивый и спокойный, я его ударю.

– Почему?

– Из принципа.

Я открыла.

Лев стоял в коридоре с термосом и упаковкой печенья. Волосы растрёпаны, на щеке сажа, рукав толстовки порван. Красивый и спокойный не получился.

Получился живой.

– Принёс чай, – сказал он.

– Заходи, – сказала Даша. – Но если будешь говорить «всё будет хорошо», я брошу в тебя печенье.

– Не буду.

– Тогда проходи.

Он вошёл и закрыл дверь.

Комната сразу стала меньше.

И почему-то спокойнее. Ненамного. Так, на один вдох.

Лев поставил термос на пол.

– Максим говорит, что утром всех отпустят после повторного опроса. Восточное крыло закрыто. Пожарные нашли место удара.

– Метеорит? – спросила я.

– То, что от него осталось.

– И?

– Оно странное.

– В смысле?

Лев посмотрел на Киру. Потом на меня.

– В смысле, полиция не знает, что с ним делать. Он не остывает.

Даша медленно взяла печенье.

– Простите, что?

– Осколок горячий, но трава вокруг него не горит. Металл лопнул, камень расплавился, а трава рядом целая. Один пожарный сказал, что это «не по учебнику». Начальник велел ему не говорить ерунды.

– Очень научный подход, – сказала Даша.

Я вспомнила свет у горла.

Холодную кожу.

Викины ладони.

Никитину дверь.

– Ты видел? – спросила я.

– Издалека.

– И что почувствовал?

Лев задержал на мне взгляд.

– Ничего.

– Ничего?

– Да.

Почему-то это прозвучало не как отсутствие ответа, а как ответ.

Кира подняла голову.

– Рядом с тобой тише, – сказала она.

Лев повернулся к ней.

– Что?

– Когда ты вошёл. Тише.

Даша посмотрела на меня.

– Мне одной это уже не нравится?

– Нет, – сказала я.

Лев сел у стены напротив двери.

– Давайте без выводов до утра.

– Конечно, – сказала Даша. – Мы просто сидим в комнате после метеорита, который не остывает, с девушкой, которая видит белые коридоры, и парнем, рядом с которым тише. Никаких выводов.

– Даша, – сказала я.

– Что? Я ранена. Мне можно быть голосом здорового ужаса.

Лев почти улыбнулся.

Кира взяла печенье. Долго держала его в пальцах, потом положила обратно.

– Я не хочу спать, – сказала она.

– Никто не хочет, – ответила Даша.

– Нет. Я боюсь, что если усну, увижу ещё.

Лев налил ей чай в крышку термоса.

– Тогда не спи одна.

Кира взяла крышку двумя руками.

– Это прозвучало просто.

– Так и есть.

– У вас у всех всё звучит просто, пока не касается вас самих, – сказала Даша.

И тут мы всё-таки засмеялись.

Не потому, что стало смешно.

Потому что иначе пришлось бы молчать.

Через час Кира задремала, сидя у стены. Даша тоже отключилась, хотя обещала «дежурить как героиня». Лев остался у двери. Я – у окна, хотя Кира просила не спать там. Я не спала.

За стеклом шевелился лес. Внизу ходили люди с фонарями. Восточное крыло стояло чёрным провалом в доме.

– Ты тоже не спишь, – сказал Лев.

– Наблюдение?

– Да.

– У нас совпадение.

Он посмотрел на меня.

– Тебе страшно?

Очень простой вопрос.

Люди почему-то редко его задают. Обычно спрашивают «ты в порядке?», потому что на это можно соврать коротко.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Совсем чуть-чуть.

– Да.

– Мне тоже.

Вот так.

Без красивой поддержки.

Просто он сказал, что ему тоже страшно.

И от этого комната стала ещё на один вдох спокойнее.

– Что с нами происходит? – спросила я.

– Не знаю.

– Но ты что-то думаешь.

– Думаю, что метеорит не должен давать людям огонь в руках.

– Очень смелая гипотеза.

– Я учусь у тебя.

Я фыркнула.

Снаружи кто-то крикнул. Потом ответили. Потом всё стихло.

Лев встал и подошёл к окну. Держал расстояние, но всё равно был рядом.

– Если станет хуже, зови.

– Кого?

– Меня. Максима. Взрослых. Пожарных. Всех.

– Хороший план. Конкретный.

– Лучший из доступных.

Я хотела сказать спасибо.

Не сказала. Слово было слишком маленьким.

Лев вдруг посмотрел на моё горло.

– У тебя синяк.

– Где?

Он показал на свою шею, чуть ниже подбородка.

Я коснулась кожи.

Больно.

– Наверное, ударилась.

– Там след, будто тебя держали.

Я отняла руку.

– Никто меня не держал.

– Я видел.

– Тогда ударилась.

Он не стал спорить.

И это было хуже, потому что спорить можно было бы снаружи. А молчание оставалось внутри меня.

Под утро я всё-таки задремала.

Мне приснилось, что я стою в белом коридоре. На полу красная линия. За стеклом люди. Я говорю им что-то, а они слушают слишком внимательно.

Потом стекло покрывается трещинами.

И я просыпаюсь от собственного голоса.

Глава 8. Осколки под кожей

Я проснулась на собственном слове:

– Остановитесь.

Громко.

Так громко, что Даша села рывком и стукнулась затылком о стену.

– Ай! Что? Кто умер?

Кира проснулась тоже. Лев сидел у двери, уже с открытыми глазами. Он выглядел так, будто вообще не спал.

– Прости, – сказала я. – Сон.

– Обожаю, – пробормотала Даша, держась за голову. – Теперь у нас ещё и командирские кошмары.

– Я не командовала.

– Тебе виднее. Мне показалось, что я обязана остановиться. Хотя я лежала. Очень трудная задача.

Она попыталась пошутить, но посмотрела на меня слишком внимательно.

Кира молчала.

Лев тоже.

– Что? – спросила я.

– Ничего, – сказал Лев.

– Не ври.

Он устало провёл рукой по лицу.

– Когда ты сказала «остановитесь», в коридоре перестали идти шаги.

Я замерла.

– Что?

– Кто-то шёл мимо двери. Остановился сразу.

– Случайно.

– Возможно.

Даша подняла палец.

– Я за версию «случайно». Она мне нравится, у неё хорошие перспективы.

В коридоре снова слышались шаги. Медленные. Потом человек ушёл дальше.

Я прижала ладонь к горлу. Синяк ныл.

– Это сон.

– Да, – сказал Лев.

Слишком быстро.

Кира смотрела на меня так, будто видела не меня, а белый коридор из своего будущего.

– Перестань, – сказала я.

– Я ничего не делаю.

– Ты смотришь.

– Извини.

Она отвернулась.

И мне стало стыдно.

Утро ещё не началось, а я уже успела сорваться на человека, которому было не легче.

Отличное начало новой жизни.

Мы спустились вниз, когда за окнами посерело. В гостиной кто-то спал на диване, кто-то на полу, кто-то сидел с телефоном и писал длинное сообщение. Дом пах мокрым дымом и холодным чаем.

Полиция не давала уехать.

Пока.

Это слово теперь раздражало всех.

На кухне Максим стоял у раковины и мыл кружки.

Очень тщательно. Слишком. Словно если отмыть кружку до скрипа, можно заодно отмыть ночь.

– Доброе утро, – сказала Даша.

– Оно не доброе, – ответил Артём из-за стола. Перед ним стояла чашка, к которой он не прикасался. – Оно функциональное.

– Вот поэтому с тобой весело.

Максим обернулся.

– Вы спали?

– Мы лежали горизонтально, – сказала Даша. – Это считается?

– Сегодня считается всё.

На кухню вошла Вика.

Волосы мокрые, глаза красные, руки в карманах толстовки. Никита шёл за ней, как тень размером с шкаф.

– Не смотрите на меня, – сказала Вика.

Все посмотрели.

– Я же просила.

– Прости, – сказал Максим.

– Ты хозяин дома. Тебе можно смотреть на ущерб.

– Ты не ущерб.

– Вронский, я вчера подожгла руки.

– Не подожгла. Огонь был, ожогов нет.

– Спасибо, стало нормальнее.

Она вытащила одну руку из кармана и положила на стол ладонью вверх.

Ничего.

Обычная ладонь. Царапина у основания большого пальца. Сажа под ногтями.

– Я пыталась повторить, – сказала она. – Не получается.

– Зачем? – спросил Никита.

– Чтобы понять, я сошла с ума или нет.

– И?

– Пока данных мало.

Артём вдруг поднял голову.

– Не пытайся больше.

Все посмотрели на него.

– Почему?

Он поморщился, будто пожалел, что сказал вслух.

– Потому что когда ты пытаешься, в комнате становится... громко.

– В смысле? – спросила Вика.

– Не ушами.

Даша медленно села ровнее.

– Так. Мне не нравится, куда пошёл разговор.

– Мне тоже, – сказал Артём.

Он снял очки и протёр их краем футболки.

– Я всю ночь слышал людей. Не разговоры. То, что под ними. Страх, обрывки, желания. У кого-то мать орала в трубку, а я слышал не слова, а её панику. У кого-то болела нога, и я чувствовал раздражение, будто это моя нога. Когда Вика сейчас попыталась... – он кивнул на её руку. – Стало ярче. Как вспышка.

В комнате стало тихо.
Очень тихо.
Никита посмотрел на своё перевязанное плечо.
– Я дверь выломал.
– Да, – сказала Вика.
– Так можно было раньше?
– Ты серьёзно спрашиваешь?
– Нет.
Он взял со стола нож для хлеба.
– Никита, – сказал Максим.
– Я осторожно.
Он провёл лезвием по ладони.
Не глубоко. Но достаточно, чтобы я вскочила.
– Ты что делаешь?!

Кровь выступила тонкой линией.
Никита посмотрел на неё.
– Почти не больно.
Вика побледнела.
– Прекрати.
Он сразу положил нож.
– Прости.
– Не мне. Себе, идиот.
Даша закрыла лицо руками.
– Я хочу обратно в пятницу. Где у нас была нормальная проблема: Аня не хотела танцевать.

– Я и сейчас не хочу, – сказала я.
– Отлично. Хоть что-то стабильно.
Лев стоял у двери.
До этого молчал.
– У всех началось после падения, – сказал он.
– Спасибо, капитан очевидность, – пробормотал Артём.
– Не у всех одинаково.
– Ещё лучше.
– Нужно понять, кто что может. И чего не может.
Максим вытер руки полотенцем.
– Не здесь.
Все повернулись к нему.
Он выглядел собранным. Слишком собранным. Но глаза выдавали: он тоже держится на честном слове.

– В доме полиция. Родители уже звонят. Если мы сейчас начнём резать ладони и жечь столы, нас увезут не домой.
– А куда? – спросила Вика.
Максим не ответил.
Потому что все поняли.
Кира вдруг сказала:
– Белый коридор.
Вот и всё.
Слова упали на стол, как нож Никиты.
– Что? – спросил Максим.

– В видении был белый коридор. Красная линия на полу. За стеклом Аника.
У меня снова заболело горло.
Даша медленно повернулась ко мне.
– Ты знала?
– Она сказала ночью.
– И ты решила не будить меня для новости, что нас могут увезти в лабораторию?
– Ты была ранена.
– Я всё ещё ранена и всё ещё хочу участвовать в ужасах.
– Даш...
– Нет, ладно. Потом поругаемся.
Она взяла мою руку под столом и сжала.
Это было очень по-Дашиному: злиться и держать одновременно.
Максим достал телефон.
– Сейчас делаем самое простое. Отвечаем полиции. Уезжаем. Никому ничего про огонь, голоса, дверь, сны. Пока не поймём.
– А если спросят? – сказала Вика.
– Врём.
– Плохо.
– Очень плохо. Но лучше, чем белый коридор.
Лев посмотрел на меня.
– Аника?
Почему на меня?
Я не была главной. Не была самой умной. Не была спокойной. У меня болело горло, я плохо спала, а ночью сказала слово так, что человек в коридоре остановился.
Но все почему-то ждали.
Я могла сказать: не знаю.
Это было бы правдой.
Я могла сказать: делайте что хотите.
Это было бы легче.
Вместо этого я слышала свой голос:
– Никто не говорит о способностях с чужими. Никто не проверяет их в одиночку. Если станет хуже – пишем в общий чат. Не геройствуем.
Слова вышли ровно.
Слишком ровно.
Все кивнули.
Сразу.
Не споря.
Даже Вика.
Даже Артём.
Я замолчала.
Потому что в этот момент поняла: они послушались не потому, что я сказала разумно.
Они просто послушались.
Лев шагнул ко мне.
– Аника.
– Что я сделала?
– Не знаю.
Артём смотрел на меня широко раскрытыми глазами.
– Скажи что-нибудь ещё, – попросил он.
– Нет.

– Пожалуйста.
– Нет.
Я отступила от стола.
Сердце било в горле. В том самом месте, где синел след от света.
– Я пойду умоюсь.
– Ань, – сказала Даша.
– Я сейчас вернусь.
В ванной я закрыла дверь и включила воду.
Сначала тихо.
Потом сильнее.
Чтобы не слышать кухню.
Зеркало над раковиной было мутным по краям. Моё отражение в нём выглядело чужим: бледная кожа, пыль в волосах, царапина у подбородка, синеватый след на горле.
Я наклонилась ближе.
След был похож на отпечаток пальцев.
Не человеческих.
Скорее света.
Я открыла рот.
– Остановись, – сказала своему отражению.
Ничего не произошло.
Конечно.
Я рассмеялась. Один раз. Без веселья.
Потом услышала за дверью шаги.
– Аника? – голос Льва.
– Я нормально.
– Это не ответ.
– Сегодня считается.
Он помолчал.
– Откроешь?
Я хотела сказать нет.
Почему-то открыла.
Лев стоял в коридоре. Внутрь не вошёл, остался на пороге.
– Я не хотела, – сказала я.
– Знаю.
– Они все кивнули.
– Да.
– Как будто я... – Я не смогла договорить.
– Я видел.
– Что это было?
Он посмотрел на меня так, что стало ещё страшнее: без успокоения. Без лжи.
– Не знаю. Но когда ты сказала, я тоже захотел согласиться.
Вот оно.
Самое плохое.
– И согласился?
– Нет.
– Почему?
– Не знаю.
Он нахмурился, словно это удивляло его самого.
– Как будто рядом со мной стало тише. На секунду. Твоя фраза дошла, но не зацепилась.

Я вцепилась пальцами в край раковины.

– Значит, ты исключение?

– Не знаю.

– Прекрасно.

– Аника.

– Не говори, что всё будет хорошо.

– Не собирался.

– Что тогда?

Он посмотрел в сторону кухни, потом снова на меня.

– До воскресенья нам нужно уехать отсюда. Потом думать.

– Это твой план?

– Пока да.

Я кивнула.

Потому что план был плохой, маленький и единственный.

За дверью кто-то громко сказал:

– Нет, мам, я жив! Нет, в дом реально врезался метеорит!

Даша из кухни крикнула:

– Передай маме, что сервис был ужасный!

И вдруг жизнь снова стала почти нормальной.

Почти.

Мы вернулись на кухню.

Никита уже держал руку под краном. Вика ругалась на него негромко и зло. Артём сидел с закрытыми глазами. Максим говорил по телефону с полицией. Кира смотрела в окно.

Даша протянула мне кружку.

– Пей. Ты выглядишь так, будто тебя сейчас надо завернуть в одеяло и запретить думать.

– Не поможет.

– Я всё равно попробую.

Я взяла кружку.

Руки дрожали.

Но уже меньше.

Утром за окном будет мокрый лес, полиция, сбор вещей и дорога назад. Но это будет утром.

А пока мы сидели на кухне дома, куда упало небо, и делали вид, что умеем быть людьми после того, как перестали быть обычными.

Получалось плохо.

Но мы старались.

Глава 9. Воскресенье

Утро началось не с будильника и не с солнца.

Оно началось с того, что в коридоре кто-то очень спокойно сказал:

– Нет, мам, я жив. Нет, не преувеличиваю. В дом реально врезался метеорит. Мам, пожалуйста, не кричи в трубку.

После этой фразы уснуть уже было невозможно.

Даша подняла голову с подушки, посмотрела на меня одним глазом и хрипло сказала:

– Если моя мать узнает, что я была на вечеринке, в которую врезался метеорит, она придет и добьет меня сама.

– Ты ей не сказала?

– Я написала, что всё хорошо.

– Это не ложь?

– Это дипломатия.

Она села и поморщилась, трогая щеку.

Комната выглядела хуже, чем ночью. При дневном свете пыль была видна везде: на полу, на покрывалах, на наших сумках, на подоконнике, даже на стакане с недопитой водой. Вещи, которые вчера казались просто разбросанными, теперь выглядели как улики. Моя кофта лежала под стулом. Чужая серьга валялась возле двери. На ковре отпечатался след ботинка, и я зачем-то долго смотрела на его рифлёный рисунок.

– Надо собираться, – сказала Даша.

– Да.

Мы не двигались.

Внизу пахло крепким чаем, мокрой одеждой и чьей-то дешёвой сигаретой. На кухне собрались почти все, кто остался ночевать. Говорили уже громче, чем ночью. У некоторых даже получалось шутить. Это было странно и понятно одновременно: если всё время молчать, можно услышать внутри себя слишком много.

Вика сидела у окна и намазывала масло на хлеб. Намазывала долго, тщательно, до самого края, хотя хлеб давно был покрыт ровным жёлтым слоем. Никита ел прямо стоя, огромными кусками, будто ничего не случилось. Но когда кто-то случайно задел его порезанное плечо, он не отреагировал. Совсем. Даже не повернулся.

Я заметила это.

И Вика заметила. Она перестала водить ножом по хлебу.

– Никит, – позвала она.

– А?

– Тебе не больно?

– Что?

– Плечо.

Он посмотрел на своё плечо, где бинт уже проступил красным.

– Не особо.

– Там кровь.

– Да? – Он удивился искренне. – Надо поменять, наверное.

Никита ушёл к медикам, а Вика положила нож на тарелку. Нож стукнул по фарфору чуть громче, чем нужно.

– Нормально всё, – сказала она, хотя её никто не спрашивал.

Кира сидела рядом со мной, молчала и разрывала салфетку на тонкие полоски. Потом полоски на квадратики. Потом квадратики на неровную белую труху. Перед ней стоял чай. Нетронутый.

– Ты спала? – спросила я.

– Нет.

– Видения?

Я сказала это тихо, почти беззвучно. Слово всё равно показалось громким.

Кира повернула ко мне лицо. Глаза у неё были покрасневшие.

– Я не знаю, как это назвать.

– Что ты видела?

Она посмотрела на остальных. На Дашу, которая спорила с каким-то парнем из-за зарядки. На Вику, на Никиту, на Максима, который разговаривал у двери с полицейским. На пустое место у края стола.

– Не здесь, – сказала Кира.

Вчера то же самое сказал Лев. У людей внезапно появились места, где нельзя говорить, и места, где говорить можно, но мы ещё не знали какие.

Максим хлопнул в ладони.

– Ребят, слушайте. Полиция дала добро на отъезд. По одному подходите, забираете документы, если оставляли, расписываетесь и валите домой. Кто без машины, я организовал такси до ближайшей станции и два автобуса до Москвы. Только, пожалуйста, никто не геройствуйте и не лезьте в восточное крыло. Там всё перекрыто.

– Макс, а дом? – спросила Вика.

Вопрос получился некрасивым. Слишком прямым. Но все и так хотели спросить.

Максим улыбнулся.

– Дом не убежит.

– Его же... – Вика замаялась. – Ну, его сильно.

– Я заметил.

Кто-то неловко хмыкнул и сразу замолчал.

Максим взял кружку с кофе, но пить не стал.

– Всё решается. Главное, что никто не умер.

Он сказал правильную вещь. Очень правильную. Настолько правильную, что мне почему-то стало холодно.

Никто не умер.

При объекте размером с холодильник, который пробил крышу, обрушил часть стены, устроил пожар и разметал деревянные балки по двору, никто не умер. Сломанное запястье у парня с эконома. Пара ожогов. Ушибы. Порезы. Ссадины. И всё.

Вчера это казалось чудом.

Утром чудеса выглядели подозрительно.

Позже я вспоминала детали и понимала, что подозрительным было не только отсутствие смертей. Обломки падали между пледом, а не на людей. Огонь разошёлся по крылу, где почти никого не было. Удар выбил стены, но не разнёс поляну. Словно камень пришёл не убивать всех подряд, а добраться до тех, кто должен был выжить после встречи с ним.

Я вышла на крыльцо, чтобы подышать. Воздух был сырой, пах хвоей и гарью. Небо затянуло светлой дымкой. Лес за домом стоял равнодушный, будто ничего не видел.

Особняк снаружи выглядел страшнее, чем изнутри. Восточное крыло осело, как подломленное плечо. Часть крыши провалилась, окна выбило, кирпичная кладка почернела. Вокруг тянули жёлтую ленту, ходили люди в форме, кто-то фотографировал повреждения.

Возле воронки стоял Максим.

Один.

Я увидела его не сразу. Он был за лентой, ближе к разрушенной стене, и смотрел вниз, туда, где ночью лежал камень. Теперь там была только оплавленная яма в полу, чёрная по краям. Как ожог.

Максим стоял неподвижно. Плечи ровные, руки в карманах, голова чуть наклонена. Лица я не видела. Но видела его спину, и в этой спине не было горя хозяина, потерявшего часть дома.

Там было ожидание.

Потом к нему подошёл мужчина в сером костюме. Не полицейская форма, не МЧС. Обычный серый костюм, слишком чистый для этого места. Они говорили недолго. Максим один раз покачал головой. Мужчина что-то записал в маленький блокнот, взглянул на воронку и ушёл.

Через полчаса полицейские попросили у всех телефоны: официально – скопировать материалы для проверки. Вернули быстро, слишком быстро. Несколько роликов потом не открылись, один общий чат потерял видео с Викиными руками, а к вечеру в новостях уже говорили не о метеорите, а о «локальном взрыве в старом крыле частного дома». Тогда это показалось заботой о панике. Позже стало понятно: кто-то умел закрывать такие истории до того, как они становились историями.

Максим остался.

Я вспомнила, как он вчера смотрел на всех нас. Считал.

– Тоже заметила? – спросил Лев за моей спиной.

Я вздрогнула.

– Ты всегда так подкрадываешься?

– Только к тем, кто шпионит.

– Я не шпионю.

– Конечно. Ты психологически наблюдаешь.

Он встал рядом, держа в руках две бумажные тарелки. На одной лежал бутерброд с сыром, на другой яблоко.

– Завтрак, – сказал он.

– Ты решил меня кормить?

– Кто-то должен. Ты на кухне смотрела на чайник так, будто пытаешься поставить ему диагноз.

Я взяла яблоко.

– Спасибо.

– Бутерброд тоже твой.

– А ты?

– Я ел.

– Когда?

– Когда ты наблюдала.

В его голосе не было насмешки. Почти.

Мы стояли у крыльца и смотрели на разрушенное крыло. Между нами было сантиметров тридцать. Достаточно, чтобы случайно коснуться локтем. Недостаточно, чтобы чувствовать себя отдельно. С ним снова стало тише. Я ещё не понимала, что именно затихало, но разница была такой заметной, что делала его присутствие почти физически ощутимым.

– Кто это был? – спросила я, кивнув на мужчину в сером.

– Не знаю.

– Не полиция.

– Нет.

– Может, страховая?

Лев посмотрел на меня.

– Ты правда так думаешь?

– Нет.

Он едва заметно кивнул. Он услышал. Без одобрения и осуждения.

– Вчера ты сказал, что видел камень, – напомнила я.

– Да.

– И?

– И лучше бы не видел.

– Это содержательно.

– Я старался.

Он откусил кусок от бутерброда, хотя говорил, что ел. Я посмотрела на него с укором.

– Что? – спросил он.

– Это был мой бутерброд.

– Ошибка распределения ресурсов.

Я неожиданно рассмеялась. Смех вышел короткий и живой, и я почти сразу почувствовала вину. Как можно смеяться рядом с обгоревшим домом? Потом подумала, что, наверное, можно. Люди вообще делают странные вещи рядом с бедой. Пьют чай. Ищут зарядки. Ругаются из-за такси. Смеются над украденным бутербродом.

– Я не подошёл к нему, – сказал Лев.

– К камню?

– Да. Все как будто шагнули вперёд. Я хотел тоже. Но потом увидел тебя.

– Меня?

– Ты стояла и смотрела на него так, будто он смотрит в ответ.

Я сжала яблоко сильнее. Кожица треснула под большим пальцем.

– Он тянулся ко мне, – сказала я. – Свет.

Лев не ответил сразу.

– Я видел.

– Что?

– Свет. Он действительно шёл к тебе.

Я думала, мне будет легче, если кто-то подтвердит. Не стало. До этого ещё можно было решить, что я ошиблась от шока, дыма и страха. Теперь ошибка получила свидетеля.

– Ты никому не говорил? – спросила я.

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не идиот.

– Убедительный довод.

– И потому что не знаю, что это значит.

Я тоже не знала.

Мы доели молча. Бутерброд всё-таки поделили, яблоко тоже. Получилось неловко, детский: кусок ему, кусок мне. На секунду я вспомнила, как в школе девочки делили шоколадку на перемене, чтобы никто не обиделся. Почему эта мысль пришла именно сейчас, я не поняла.

К полудню нас начали развозить.

Я оказалась в машине с Дашей, Львом за рулём, Викой на переднем сиденье и Артёмом, которого всё-таки нашли, сзади справа. Он пришёл к отъезду сам. Бледный, молчаливый, в худи с капюшоном. На вопросы отвечал односложно. Сказал, что ходил к лесу. Зачем, не объяснил.

– Все пристегнулись? – спросил Лев.

– Да, папа, – отозвалась Даша.

– Очень смешно.

– Я старалась.

Мы выехали из ворот. Особняк остался позади. Никто не оглянулся. Я тоже не хотела, но всё равно посмотрела в боковое зеркало. Дом мелькнул между соснами, большой и раненый, и исчез.

Дорога до Москвы была странной. Вчера, когда мы ехали туда, все говорили, смеялись, спорили о музыке. Теперь машина молчала. Радио Лев не включал. Даша печатала кому-то длинные сообщения. Вика смотрела на свои ладони. Артём сидел с закрытыми глазами.

Через полчаса девушка из другой машины, ехавшей впереди, позвонила Даше. Та включила громкую связь.

– Вы где? – спросила девушка. Кажется, её звали Лена.

– За вами, – ответила Даша. – А что?

– У нас Артём есть?

Мы все посмотрели на Артёма.

Он открыл глаза.

– В смысле? – спросила Даша.

– Да у нас тут спор. Настя сказала, что Артём вчера ночью говорил какую-то жуть про мысли. Типа слышит, кто что думает. Он у вас?

– У нас, – сказала Даша.

– Спроси у него, он правда может читать мысли?

Даша повернулась к Артёму.

– Белый, ты правда можешь читать мысли?

– Нет, – сказал он.

Слишком быстро.

– Он говорит нет, – передала Даша.

– А жаль! Пусть тогда угадает, о чём я думаю.

Артём вдруг сказал негромко:

– О том, что если бы Никита вчера нёс тебя, а не Машу, ты бы сделала вид, что подвернула ногу.

В машине стало очень тихо.

На том конце связи тоже.

– Что? – спросила Лена уже другим голосом.

Артём моргнул, словно только что проснулся.

– Я... – Он побледнел ещё сильнее. – Я пошутил.

– Дурацкая шутка, – сказала Лена и отключилась.

Даша медленно опустила телефон.

– Белый?

– Совпадение, – произнёс он.

– Очень конкретное совпадение, – сказала Вика.

– Я сказал, совпадение.

Он отвернулся к окну. Пальцы у него дрожали. Я видела это по отражению в стекле.

Лев не сказал ничего. Только посмотрел на Артёма в зеркало заднего вида.

Я хотела спросить. Очень хотела. Но не спросила. Иногда молчание бывает осторожнее слов.

У общежития Лев остановил машину у ворот. Даша первой выскочила наружу и тут же застонала, потому что забыла сумку. Вика ушла почти сразу, бросив короткое «напишу». Артём задержался на секунду. Посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать. Потом передумал.

– Пока, – сказал он.

– Пока.

Он ушёл, сунув руки в карманы худи.

Лев достал из багажника наши вещи. Моя сумка была вся в пыли. На боковом кармане порвалась молния.

– Починить можно, – сказал он.

– Это ты как юрист говоришь?

– Как человек, у которого тоже была дешёвая сумка.

– У тебя?

– У всех есть прошлое.

Я взяла сумку. Наши пальцы снова соприкоснулись. Тишина накрыла меня мягче, чем плед ночью. Я почти закрыла глаза.

Лев заметил.

– Что?

– Рядом с тобой... – Я остановилась. Слова казались глупыми. – Нормально.

– Это оскорбление или комплимент?

– Не решила.

– Напишешь, когда решишь.

Я посмотрела на него. Он сказал это просто, но я почему-то услышала приглашение. Не навязчивое. Без давления. Просто возможность.

– Напишу, – сказала я.

Даша за моей спиной кашлянула.

– Аня, если вы закончили обмениваться загадочными фразами, помощи мне, пожалуйста, я сейчас уроню всё на асфальт.

Я отступила.

Лев сел в машину и уехал. Не быстро. Аккуратно. Как будто после вчерашнего даже дороги стали хрупкими.

В комнате общежития всё было так же, как до отъезда. Моя узкая кровать, стол, стопка книг, кружка с надписью «не трогать, там кофе», хотя кофе в ней не было уже неделю. На подоконнике засыхал базилик, который Даша весной решила выращивать, а потом забыла. Возле шкафа лежал мой старый кроссовок, один, без пары. Я давно собиралась выбросить.

Обычная комната.

Я поставила сумку на пол и вдруг почувствовала злость. На комнату. На базилик. На кроссовок. На то, что всё тут стояло спокойно, пока мы ночью смотрели на камень в развороченном доме.

– Я в душ, – сказала Даша. – Потом ты.

– Угу.

Когда она ушла, я легла на кровать в кроссовках, не раздеваясь, и стала смотреть в потолок.

В коридоре кто-то смеялся. Потом хлопнула дверь. Девушки из соседней комнаты спорили, кто забрал фен. Где-то далеко включили музыку. Жизнь действительно продолжалась с наглой, почти неприличной уверенностью.

Я закрыла глаза.

Тишина.

Потом я сказала негромко:

– Встань.

Слово сорвалось с губ само. Не команда. Проверка. Глупость.

В комнате никого не было.

За дверью в коридоре слышались шаги. Кто-то шёл быстро, почти бежал. Вдруг шаги оборвались.

Человек остановился.

Просто стоял.

Я села на кровати.

Прошло две секунды. Три. Пять.

Потом шаги продолжились, уже медленнее, и удалились к лестнице.

Я долго сидела, не двигаясь.

Потом легла обратно и закрыла глаза так крепко, что перед ними вспыхнули цветные пятна.

Нет, сказала я себе.

Нет.

Глава 10. Понедельник. Тест

В понедельник университет выглядел оскорбительно нормальным.

В холле пахло кофе из автомата, мокрыми зонтами и чьими-то слишком сладкими духами. На стенде висело расписание пересдач. У гардероба ругались две первокурсницы, потому что одна случайно забрала чужой шарф. Кто-то сидел прямо на подоконнике и ел булочку с маком, оставляя крошки на джинсах.

Я стояла посреди этого привычного шума и думала, что, наверное, после катастроф люди должны получать хотя бы один день, когда мир ведёт себя иначе. Тише. Медленнее. Уважительнее. Но миру было всё равно. Он не знал, что в особняк Вронских упал метеорит. Или знал, но считал это новостью на пять минут, между пробками и прогнозом погоды.

– Ты выглядишь как покойница, – сообщила Даша, появившись рядом с двумя стаканчиками кофе.

– Спасибо.

– Я любя.

– Это пугает.

– Держи. Без сахара, как ты любишь. Хотя я считаю, что это не кофе, а наказание.

Я взяла стаканчик. Руки уже не дрожали. Это было хорошо. Или плохо. Я пока не решила.

Мы прошли к аудитории по социальной психологии. На двери висел лист с темой занятия: «Механизмы подчинения: от классических экспериментов к современным моделям влияния».

Я остановилась.

Даша тоже посмотрела на лист.

– Ну конечно, – сказала она. – Вселенная умеет в юмор.

– Плохой юмор.

– Другого не завезли.

В аудитории уже сидели люди. Кто-то листал конспекты, кто-то досматривал короткие видео без звука, кто-то обсуждал субботний концерт. Несколько человек, которые были на вечеринке, заметили нас и замолчали. Потом один парень кивнул. Я кивнула в ответ.

Между теми, кто видел камень, будто натянули невидимую нитку. Мы не разговаривали, но узнавали друг друга по паузам.

Профессор Рогов вошёл ровно в девять. Как всегда, в тёмном пиджаке, с тонкой папкой под мышкой и кружкой чая. У него было лицо человека, который всю жизнь учил других сомневаться в очевидном и сам давно разучился удивляться. На первых курсах его боялись. На третьем уже уважали. Или привыкли.

– Доброе утро, – сказал он. – Надеюсь, выходные прошли спокойно.

По аудитории прокатился лёгкий смешок. Несколько человек посмотрели в нашу сторону. Рогов тоже посмотрел. На мгновение задержал взгляд на мне, на Даше, потом спокойно открыл папку.

– Тема сегодняшней лекции – подчинение, внушение и добровольный отказ от собственной воли. Начнём с вопроса. Почему человек выполняет приказ?

Он повернулся к доске и написал маркером: «Почему мы слушаемся?»

Я смотрела на эту фразу, и внутри у меня что-то медленно скручивалось.

Почему мы слушаемся?

Потому что боимся наказания. Потому что доверяем авторитету. Потому что устали спорить. Потому что кто-то говорит достаточно уверенно. Потому что иногда легче, когда выбор за тебя делает другой.

Я вспомнила парня в коридоре. Шаги, которые остановились после моего слова.

– Соколова, – сказал Рогов. – Вы сегодня с нами?

Я моргнула.

Несколько человек обернулись. Даша пихнула меня локтем.

– Да, – ответила я. – Извините.

– Тогда ваш вариант. Почему человек выполняет приказ?

Я могла ответить как студентка. Могла вспомнить Милгрэма, Зимбардо, нормативное влияние, желание соответствовать группе, выученную беспомощность. Я знала это. Я могла говорить долго и правильно.

Вместо этого сказала:

– Потому что в нужный момент чужой голос звучит убедительнее собственного.

В аудитории стало чуть тише.

Рогов посмотрел на меня внимательнее.

– Хорошая формулировка. Запишите.

Кто-то действительно начал записывать. Мне стало не по себе. Я не хотела, чтобы это записывали. Это было не для тетрадей.

Лекция шла полтора часа.

Рогов говорил о том, что власть редко выглядит как крик. Чаще она выглядит как инструкция. Как вежливая просьба. Как человек в белом халате, который говорит: «Продолжайте, эксперимент требует, чтобы вы продолжали». Он показывал старые фотографии эксперимента Милгрэма, схемы, графики, выдержки из интервью участников.

Я всё это знала.

Я всё равно слушала так, будто впервые.

– Важно понимать, – говорил Рогов, прохаживаясь перед первой партой, – что большинство людей не ощущают момент, когда передают ответственность. Им кажется, что они продолжают действовать сами. И это самая опасная часть механизма подчинения.

Мне захотелось выйти.

Даша написала в блокноте: «Ты норм?»

Я посмотрела на неё и кивнула.

Она дописала: «Врёшь».

Я не ответила.

После лекции Рогов отпустил нас, но меня попросил задержаться.

Даша вопросительно посмотрела. Я махнула рукой: всё нормально. Она скривилась, явно не поверила, но вышла вместе с остальными.

Аудитория опустела. Остался запах мела, кофе и старой деревянной мебели. Рогов складывал бумаги в папку.

– Вы были на той вечеринке у Вронского? – спросил он.

Вопрос прозвучал буднично. Слишком буднично.

– Да.

– Как самочувствие?

– Нормально.

– Вы были в больнице?

– Медики осматривали на месте.

– Этого недостаточно. После таких происшествий часто бывает отсроченная реакция. Панические атаки, нарушения сна, навязчивые воспоминания. Вы это и без меня знаете.

– Знаю.

– И всё равно не пойдёте к специалисту.

Он не спрашивал. Констатировал.

– Пока нет.

– Почему?

Потому что специалист спросит, что я видела. Потому что я не смогу рассказать про свет, который тянулся ко мне. Потому что вчера я сказала «встань», и кто-то за дверью остановился.

– Не люблю говорить с психологами, – сказала я.

Рогов усмехнулся.

– Обычно это признак профессии.

Он закрыл папку.

– Будьте осторожны с собой, Аника. У людей, которые привыкли всё анализировать, есть неприятная привычка думать, что они управляют процессом. Даже когда процесс давно управляет ими.

Я посмотрела на него.

– Это совет?

– Наблюдение.

– Профессиональная деформация?

– Разумеется.

Я вышла из аудитории с ощущением, что мне на спину положили холодную ладонь.

В столовой было шумно. Слишком. После лекции все хлынули туда, как обычно. Очередь к раздаче тянулась до колонны, у кассы спорили из-за безналичной оплаты, в углу кто-то громко рассказывал, что «метеорит, кстати, это фейк, там газ взорвался, сто процентов».

Я взяла поднос и встала в очередь.

Даша ушла звонить матери. Она с утра собиралась сказать ей хотя бы часть правды, но пока всё откладывала. Вика написала в общий чат: «Кто-нибудь после пар может встретиться? Мне надо кое-что показать». Кира не отвечала. Артём тоже.

Передо мной стояли две девушки с биофака и обсуждали какого-то Даню, который то ли изменил, то ли не изменил. Я слушала краем уха. Это было почти приятно. Обычная чужая драма. Понятная. Без камней с неба.

Потом сбоку подошёл парень в серой толстовке и влез прямо перед нами.

– Эй, – сказала одна из девушек. – Очередь вообще-то.

– Я быстро, – ответил он, не оборачиваясь.

– Все быстро.

– Ну и стойте.

Он был высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и лицом человека, которому с детства объясняли, что если он достаточно крупный, правила можно считать рекомендациями. Девушка возмущённо фыркнула, но замолчала. Вторая потянула её за рукав: не связывайся.

Я смотрела на затылок парня.

Вчера в коридоре. «Встань». Шаги остановились.

Я могла промолчать. Должна была промолчать.

Но внутри поднялось что-то холодное и спокойное. Не злость. Злость горячая, она мешает. А это было ровное чувство, почти исследовательское. Как перед тем, как нажать кнопку секундомера на практикуме.

– Встань в очередь, – сказала я.

Не громко.

Парень повернулся.

У него были светлые глаза и раздражённое лицо. Он открыл рот, чтобы сказать что-то неприятное. Я это увидела заранее: по складке у носа, по тому, как напряглась нижняя челюсть.

Я посмотрела ему в глаза.

Всего секунду.

Лицо у него изменилось. Раздражение будто смазали влажной тряпкой. Он моргнул. Потом посмотрел на очередь, на свой поднос, снова на меня.

– Да, – сказал он.

И пошёл в конец.

Просто пошёл. Спокойно, без спора, без вопроса. Девушки передо мной переглянулись.

– Ого, – сказала одна. – Надо было сразу так.

– Голос учительницы, – сказала другая и засмеялась.

Я не засмеялась.

Я стояла с подносом в руках и смотрела, как парень занимает место в конце очереди. Он выглядел немного растерянным. Потёр лоб, будто пытался вспомнить, зачем пришёл.

Потом меня накрыло.

Не болью. Не мыслью.

Чужим стыдом.

Коротким, грязным, липким чувством. Как будто я сама стою в конце очереди и не понимаю, почему подчинилась какой-то девушке. В груди вспыхнуло раздражение, под ним – привычное ощущение: меня выставили слабым. Потом страх, совсем маленький, почти детский: другие заметили.

Я вцепилась пальцами в край подноса.

– Девушка, будете брать суп? – спросила работница раздачи.

Я не сразу поняла, что очередь дошла до меня.

– Нет.

– Второе?

– Да. То есть нет. Рис.

– С котлетой?

– Без.

Она положила мне рис. Потом всё-таки котлету. Я не стала спорить.

За столиком у окна я сидела одна. Рис был сухой. Котлета пахла луком. Я ела автоматически и ждала, когда начнут трястись руки.

Не начали.

Голова была ясная.

Слишком ясная.

Вот это оказалось страшнее всего.

Если бы меня вырвало. Если бы я упала в обморок. Если бы случилась истерика, паника, что угодно, я могла бы решить: нельзя. Опасно. Никогда больше.

Но я сидела в университетской столовой, ела рис с котлетой и понимала, что только что заставила человека сделать то, что считала правильным.

И ничего не произошло.

Только получилось.

Даша нашла меня через десять минут.

– Ты чего тут одна? Я тебя по всей столовой ищу.

– Ем.

– Вижу. С лицом серийного убийцы.

– Даш.

– Что?

Я хотела рассказать ей. Уже почти сказала. Слова стояли на языке, тяжёлые, как камни.

Я могу заставить людей слушаться.

Нет. Так нельзя. Это звучит как бред. Как фраза из плохого сериала. И если она поверит, станет страшно. А если не поверит, станет ещё хуже.

– Ты маме позвонила? – спросила я.

Даша села напротив и закатила глаза.

– Позвонила. Сказала, что была за городом, там случился пожар, но я в порядке. Она сказала, что чувствовала сердцем. Потом десять минут рассказывала, что я её в могилу сведу. Потом спросила, что я ела на завтрак. В общем, всё нормально.

– Хорошо.

– Не уходи от темы. Что с тобой?

– Устала.

– Это уже даже не смешно.

Я ковырнула рис вилкой.

– Просто странный день.

– Ань, у нас после субботы все дни будут странные.

Она сказала это просто, без драматизма. И, наверное, была права.

Вечером я вернулась в общежитие раньше Даши. На столе лежали мои конспекты, распечатки, ручки, старый блокнот в синей обложке. Я села, открыла его на чистой странице и написала дату.

Потом долго смотрела на пустые строки.

В соседней комнате смеялись. Кто-то включил фен. По трубам прошёл тяжёлый звук воды. На подоконнике стоял засохший базилик, и один его лист лежал на земле в горшке, скрученный в маленькую лодочку.

Я написала:

«Объект: неизвестное воздействие голосом и зрительным контактом.

Субъект: мужчина, примерно 20–22 года, незнакомый.

Команда: «Встань в очередь».

Результат: выполнение без сопротивления.

Побочный эффект: кратковременное эмоциональное эхо. Стыд. Раздражение. Страх унижения.

Физические последствия: нет.

Психологические последствия: неизвестно».

Я перечитала.

Получилось сухо. Удобно. Так можно было думать, будто это не со мной.

Ниже я добавила:

«Я сделала это намеренно».

Потом зачеркнула.

Потом написала снова.

Ночью позвонила Даше, хотя она была всего лишь на два этажа ниже у знакомых.

– Ты чего? – спросила она. – Я через полчаса приду.

– Просто хотела спросить, как ты.

– Жива, здорова, ем чипсы. А ты?

Я посмотрела на блокнот.

– Тоже.

– Не ври хоть по телефону, у тебя плохо получается.

– Я не вру.

– Ага. Ладно, сейчас приду.

– Не надо. Сиди.

– Точно?

– Точно.

Пауза.

– Ань, ты если что, говори. Ладно? Даже если это какая-то дичь. Особенно если дичь.

Я закрыла глаза.

– Ладно.

Но не сказала.

После разговора я долго сидела над блокнотом. Потом открыла новую страницу и написала заголовок:

«Правила работы».

Рука остановилась.

Я ещё не знала правил.

Но уже хотела их узнать.

Глава 11. Правила работы

На следующий день я купила три вещи: толстую тетрадь на кольцах, чёрную ручку и диктофон.

Диктофон был лишним. Я это понимала ещё в магазине, стоя между полкой с флешками и витриной с наушниками. Записывать голосовые команды было глупо. Опасно. И вообще, если кто-то найдёт записи, объяснять будет нечего. Но продавец, молодой парень с прыщом на подбородке, так старательно рассказывал о качестве звука, что мне стало неловко уйти без покупки.

– Этот хорошо пишет лекции, – сказал он. – Даже если преподаватель далеко.

– Мне не для лекций.

– А для чего?

– Для себя.

Он кивнул с таким видом, будто понял. Хотя не понял, конечно.

В общежитии я спрятала диктофон в ящик стола под старый шарф и достала тетрадь. На первой странице написала:

«Журнал наблюдений».

Получилось слишком пафосно. Я вырвала лист.

На следующем написала проще:

«После Персеид».

Это тоже было пафосно, но хотя бы честнее.

Я решила начать с того, что знаю.

Первое: сила работала через голос.

Второе: зрительный контакт усиливал воздействие.

Третье: эффект зависел от формулировки.

Четвёртое: после применения я чувствовала чужое состояние.

Пятое: рядом со Львом становилось тише.

Пятый пункт я перечитала три раза, потом поставила рядом знак вопроса. Это могло быть не связано. Симпатия, стресс, благодарность, глупая потребность в человеке, который вытащил тебя из-под ветки. Психика умеет прикрепляться к тем, кто оказался рядом в момент опасности. Я знала это. Травматическая привязка, ложное чувство безопасности, усиление значимости контакта.

Очень удобно знать термины.

Они почти никогда не помогают.

Первый осознанный тест я провела на голубях.

Это было трусливо, нелепо и, как потом выяснилось, бесполезно. Во дворе общежития возле мусорных баков всегда крутилась стая наглых серых птиц. Они не боялись студентов, дрались за куски шаурмы и смотрели на людей с выражением мелких чиновников, которым все должны.

Я вышла утром с кусочком хлеба и встала у лавочки.

– Идите сюда, – сказала я.

Голуби и так шли. Потому что хлеб.

– Остановитесь.

Они не остановились.

Один наступил другому на лапу, началась короткая птичья драка. Я почувствовала себя идиоткой.

– Прекрасно, – пробормотала я. – Животные не считаются.

– Ты разговариваешь с голубями? – спросила Даша за спиной.

Я едва не выронила хлеб.

– Ты почему не на паре?

– Отменилась. А ты почему командуешь птицами?

– Проверяю гипотезу.

– О том, что голуби захватят мир?

– О том, что они меня не уважают.

Даша посмотрела на стаю.

– Они никого не уважают. Вчера один украл у меня кусок слойки. Прямо из руки. Я почувствовала себя ограбленной.

Она присела на спинку лавочки, вытянула ноги и зевнула. На щеке ссадина уже потемнела, но выглядела не так страшно.

– Ты сегодня странная, – сказала она.

– Я всегда странная.

– Нет, обычно ты странная тихо. А сегодня с хлебом.

Я бросила остатки хлеба голубям. Они накинудись так, будто не ели неделю.

– Просто плохо спала.

– Снова?

– Угу.

– Сны?

– Нет.

Снов действительно не было. Было другое. Перед сном я слышала в голове обрывки чужих эмоций, как радио, которое ловит сразу несколько станций. Девушка из соседней комнаты злилась на парня. Парень этажом выше боялся отчисления. Кто-то в коридоре смеялся, и в смехе была такая усталость, что мне захотелось лечь на пол.

Я не знала, было ли это моим воображением.

Я очень хотела, чтобы было.

Даша пнула носком кроссовка сухой лист.

– Вика вчера писала. Ты видела?

– Видела.

– Она зовёт вечером.

– Пойду.

– Я тоже. Не нравится мне это всё.

– Что именно?

– То, что мы теперь говорим фразами «не нравится мне это всё». Как в сериалах, где потом обязательно кто-то умирает.

– Никто не умирает.

– Надеюсь.

Она замолчала, потом вдруг сказала:

– Кофе будешь?

– Нет.

– Ладно.

Мы ещё немного посидели во дворе. Просто так. Голуби доели хлеб и ушли к следующему источнику смысла. По дорожке прошла женщина из администрации общежития с огромной сумкой и пакетом укропа. Пакет порвался, несколько веточек упали на асфальт. Она не заметила. Я почему-то запомнила именно это: укроп на серой плитке, растоптанный через минуту каким-то парнем в белых кроссовках.

После обеда я провела второй тест.

Незнакомая девушка в библиотеке.

Это звучит ужасно. Я знаю.

Но я выбрала самую безобидную команду. Девушка сидела через два стола от меня и листала учебник по экономике. На столе у неё лежала красная ручка. Я подождала, пока она поднимет глаза, и сказала негромко:

– Посмотри в окно.

Она посмотрела.

Сразу.

Не удивилась. Она не спросила зачем, повернула голову и посмотрела в окно, за которым дворник лениво гонял метлой мокрые листья.

Через секунду она нахмурилась, будто не поняла, почему отвлеклась, и снова уткнулась в учебник.

Эхо пришло мягче, чем в столовой. Лёгкое раздражение. Скука. Мысль без слов: я теряю время. Это было не больно. Скорее неприятно, как чужой запах на одежде.

Я записала:

«Простая команда работает при отсутствии сопротивления. Эхо слабое. Длительность воздействия – 1–2 секунды. Субъект не осознаёт внешнего импульса или рационализирует действие».

Третий тест получился случайным.

В коридоре филфака какой-то парень ругался с девушкой. Они стояли у окна, и я бы прошла мимо, если бы он не схватил её за запястье. Не сильно. Но достаточно, чтобы она замерла и перестала говорить.

– Я же сказал, не уходи, когда я разговариваю, – произнёс он.

Её лицо стало пустым. Это выражение я знала. Когда человек в голове уже не здесь, потому что здесь небезопасно.

Я остановилась.

Не вмешивайся, сказала себе.

Это не твоё.

Потом девушка попыталась высвободить руку, а он сжал крепче.

Я подошла.

– Отпусти её, – сказала я.

Парень повернулся ко мне.

– Чего?

Он был не злой в привычном смысле. Не монстр. Обычный парень с красными глазами от недосыпа и прыщом возле губы. Наверное, потом он расскажет друзьям, что просто хотел поговорить, а она устроила драму. Может быть, даже сам будет в это верить.

– Отпусти, – повторила я и посмотрела ему в глаза.

На этот раз я почувствовала, как что-то во мне будто натянулось.

Не мышца. Не нерв.

Связь.

Парень разжал пальцы.

Девушка отдернула руку и прижала к груди. На коже остались красные следы.

– Иди, – сказала я ей.

Она пошла. Быстро. Почти побежала.

Парень смотрел на меня.

– Ты кто вообще?

Я могла уйти.

Но он был зол. Злость поднималась в нём волной, и я почему-то чувствовала её раньше, чем она проявлялась на лице. Он хотел шагнуть ко мне. Хотел схватить уже меня. Не потому, что я была важна, а потому что ему нужно было вернуть себе ощущение контроля.

Я сказала:

– Останься здесь.

Он остался.

Я ушла по коридору. Не побежала, хотя очень хотелось. За спиной он выругался. Потом снова. Потом ударил кулаком по подоконнику.

Эхо догнало меня на лестнице.

Я едва не села прямо на ступени.

Злость. Унижение. Жар в груди. Желание ударить. Желание, чтобы кто-то объяснил, почему все уходят. Под этим – страх, такой старый, что он почти не принадлежал ситуации. Детский. Липкий. Меня бросают.

Я зажала рот ладонью.

Мимо прошли две первокурсницы, обсуждая маникюр. Одна посмотрела на меня, но ничего не спросила.

В туалете я умылась холодной водой. Долго смотрела на своё отражение. Бледная. Волосы выбились из хвоста, под глазами синяки. Обычная девушка после плохих выходных.

Я ожидала увидеть что-то другое.

Может быть, монстра.

Вечером в журнале появилась новая запись:

«Сложность команды зависит от формулировки и от эмоционального состояния субъекта. Чем сильнее импульс, тем больше усилие. При активном сопротивлении нужно удерживать зрительный контакт. Цена выше. Эхо может включать глубокие эмоциональные слои, не связанные прямо с ситуацией».

Я перечитала и добавила:

«Я не жалею, что вмешалась».

Потом ниже:

«Это опасная фраза».

Даша пришла около шести, принесла пиццу в коробке и сказала, что мы идём к Вике через сорок минут. Я закрыла тетрадь так резко, что она заметила.

– Что пишешь?

– Конспект.

– По какому предмету?

– По себе.

– Жутко звучит.

Она села на мою кровать и открыла коробку.

– Ешь. Ты сегодня опять ничего нормального не ела.

– Ты следишь?

– Да. Я теперь твой пищевой надзор.

– Не знала, что вакансия открыта.

– Я сама себя назначила. Зарплата пиццей.

Мы ели прямо из коробки. Сыр тянулся длинными нитями, томатный соус капал на салфетку. Даша рассказывала, как её мать всё-таки нашла новость про метеорит и теперь требует точный адрес Вронского, чтобы подать на него в суд за моральный ущерб дочери. Я слушала и иногда смеялась.

Это было почти нормально.

Потом позвонила Вика.

– Вы где? – спросила она без приветствия.

– В общежитии, – ответила Даша. – Собираемся.

– Приходите быстрее. И... Ань, ты рядом?

– Да.

– Только не смейся, ладно?

– Не буду.

– Я серьёзно.

В её голосе было такое напряжение, что я выпрямилась.

– Что случилось?

На том конце несколько секунд молчали.

Потом Вика выдохнула:

– Я подожгла свечу без спичек.

Мы с Дашей переглянулись.

Пицца остыла.

До квартиры Вики мы добирались на метро. Она снимала комнату недалеко от «Сокола», в старом доме с высоким подъездом, где пахло кошками, сыростью и дорогим парфюмом соседки с третьего этажа. Даша всю дорогу молчала, что было не похоже на неё. Я держала руки в карманах куртки и думала, что после слов Вики моя тетрадь перестала быть личным бредом.

Если у неё тоже что-то есть, значит, дело не во мне.

От этой мысли не стало легче.

Вика открыла нам дверь почти сразу. Волосы собраны в высокий хвост, на лице ни капли косметики, что для неё было редкостью. Она выглядела младше и злее.

– Проходите.

Комната у неё была маленькая, но стильная. Постеры с анатомическими рисунками, полка с учебниками по медицине, гирлянда над кроватью, несколько красивых баночек на столе. На подоконнике стояла свеча в стеклянном стакане. Рядом лежала зажигалка.

– Смотри, – сказала Вика.

– Может, не надо в комнате? – осторожно спросила Даша.

– Я медик. Я знаю, что делаю.

– Это самая страшная фраза.

Вика не ответила. Она села на стул, вытянула руку к свече и замерла.

Ничего не происходило.

Секунда. Две. Пять.

Я уже решила, что сейчас она рассмеётся и скажет, что мы идиотки, но тут фитиль вспыхнул.

Маленький огонь поднялся ровно и спокойно.

Даша выругалась.

Я молчала.

Вика опустила руку. Пальцы у неё дрожали.

– Видели?

– Видели, – сказала я.

– Это не фокус. Я не знаю, как это делаю. Вчера думала, что зажигалка глючит. Сегодня проверила. Три раза. Потом ещё на плите. Я могу... – Она сглотнула. – Я могу звать огонь.

Пламя свечи качнулось, хотя окна были закрыты.

Я смотрела на огонь и вспоминала свет камня. Как он касался людей. Как Вика тогда смотрела на свои ладони.

Даша села на край кровати.

– Так. Отлично. У нас есть метеорит, который раздаёт суперспособности. Кто-нибудь ещё хочет пиццу? Нет? А зря, я бы сейчас очень хотела вернуться на стадию пиццы.

Вика вдруг рассмеялась. Нервно, коротко.

– Я знала, что ты скажешь что-то тупое.

– Это моя защитная реакция.

– Работает?

– Нет.

Мы все трое замолчали.

Свеча горела на подоконнике. Обычный маленький огонь. В нём не было ничего мистического, если не знать, что его никто не зажигал.

– У тебя тоже? – спросила Вика, глядя на меня.

Я не спросила, почему она решила именно так.

Я могла соврать. Сказать нет. Сказать, что просто пришла поддержать. Сказать что угодно.

Но после её свечи ложь стала бы слишком тонкой тканью. Порвётся от первого касания.

– Да, – сказала я.

Даша медленно повернулась ко мне.

– Что значит «да»?

Я села на стул рядом со столом. Руки положила на колени. Спокойно. Как на семинаре, когда нужно объяснить сложную тему группе людей, которые не хотят слушать.

– Я могу... влиять на людей. Голосом.

– В смысле влиять? – спросила Даша.

– Говорю что-то, и человек делает.

– Гипноз?

– Не знаю.

– Прямо всё делает?

– Нет. Не всё. Простые команды точно. Сложнее – не проверяла.

– Ты проверяла? – В голосе Даши появилась обида.

Вот она. Первая настоящая трещина.

– Да.

– На ком?

– На незнакомых.

– Господи, Ань.

– Я никому не навредила.

Слова прозвучали слишком быстро. Как оправдание, заготовленное заранее. Я ненавижу себя за это.

Вика смотрела на меня с интересом. Без ужаса. С интересом.

– Покажи, – сказала она.

– Нет.

– Почему?

– Потому что это не фокус.

– А мой огонь фокус?

– Твой огонь не залезает людям в голову.

После этой фразы в комнате стало тихо.

Даша обняла себя руками.

– А на мне ты применяла?

– Нет.

– Точно?

– Даш.

– Я спрашиваю точно?

Я посмотрела ей в глаза.

– Точно. Ни разу.

Она кивнула, но не сразу. И я поняла, что даже если она поверила, что-то уже изменилось. Маленькое. Почти незаметное. Но изменилось.

Вика погасила свечу пальцами. Я вздрогнула, но она только поморщилась.

– Не больно, – сказала она. – Почти.

– Почти? – переспросила я.

– Жар чувствую, но по-другому. Как будто он мой. Сложно объяснить.

Я открыла тетрадь, которую взяла с собой, и записала пару слов.

Даша уставилась на меня.

– Ты серьёзно?

– Что?

– Мы сейчас сидим и обсуждаем, что Вика поджигает свечи силой мысли, а ты можешь командовать людьми, а ты записываешь?

– Мне так легче.

– А мне нет.

Она встала и подошла к окну.

Я хотела сказать что-то правильное. Извиниться. Обнять. Объяснить, что я сама боюсь. Но слова не складывались. Я слишком хорошо понимала людей, когда смотрела на них со стороны. Внутри разговора всё было труднее.

Вика достала ещё одну свечу.

– Есть кто-то ещё? – спросила она.

– Кира, возможно, – сказала я. – Она что-то видит.

– А Никита?

Я вспомнила его плечо.

– Не знаю. Может быть.

– Артём?

Мы все вспомнили машину.

Даша обернулась.

– Он сказал ту фразу про Лену.

– Да, – сказала я.

– Думаешь, он правда слышит мысли?

– Не знаю.

– А если да?

Вопрос повис в воздухе.

Если да, то мои мысли больше не только мои. Если да, то ни один секрет рядом с ним не выдержит. Если да, то он уже мог знать обо мне. О Вике. О том, что я сегодня делала.

Свеча на подоконнике снова вспыхнула.

На этот раз Вика не поднимала руку.

Она испуганно отшатнулась.

– Я не хотела.

Пламя дрогнуло, стало выше.

– Вика, спокойно, – сказала я.

– Я спокойна!

– Нет.

– Да не учи меня!

Огонь поднялся ещё выше, лизнул край занавески. Даша вскрикнула.

Я вскочила, схватила стакан с водой со стола и плеснула на свечу. Пламя погасло, оставив после себя дым и запах мокрого воска.

Вика стояла посреди комнаты. На её лице был не восторг, который я ожидала увидеть от человека с огнём в ладонях.

Там был страх.

– Я не хотела, – повторила она тише.

Я посмотрела на чёрный след на занавеске.

– Значит, первое правило, – сказала я. – Эмоции усиливают резонанс.

– Резонанс? – переспросила Даша.

Слово вышло само. Как будто я не придумала его, а вспомнила.

– Да. Не знаю. Пусть будет так.

Даша устало села обратно на кровать.

– Отличное название для конца нормальной жизни.

Мы просидели у Вики почти до полуночи. Говорили, спорили, молчали. Составили список тех, кто был рядом с камнем. Решили никому ничего не рассказывать. Решили встретиться с Кирой. Решили найти Артёма. Решили, что Максим пока не должен знать.

Последнее предложила я.

Вика нахмурилась.

– Почему?

Я вспомнила его взгляд у воронки.

– Потому что он ищет.

– Что ищет?

– Не знаю.

Это была правда.

Поздно ночью я вернулась в общежитие. Даша шла рядом, засунув руки в карманы. Мы почти не разговаривали.

У входа она остановилась.

– Ань.

– Да?

– Я тебе верю.

Я выдохнула.

– Спасибо.

– Но мне страшно.

– Мне тоже.

Она кивнула. Потом всё-таки обняла меня. Крепко, быстро, почти сердито.

– Только попробуй скомандовать мне когда-нибудь. Я тебя сама придушу, даже без резонанса.

– Не буду.

– Обещаешь?

Я закрыла глаза.

Обещания стали слишком тяжёлыми.

– Обещаю.

В комнате я открыла тетрадь и написала:

«Резонанс – условное название.

Не создаёт новое. Усиливает то, что уже было.

Вика – огонь, импульс, действие.

Я – голос, наблюдение, слабые места.

Цена есть всегда».

Потом долго сидела над последней строкой.

Я ещё не знала, какой будет цена.

Нет. Уже знала. Просто не хотела писать.

После каждого применения я несла в себе чужое. Стыд, злость, страх, облегчение. Маленькие куски людей, которые не давали разрешения забрать их внутрь.

Я закрыла тетрадь.

В коридоре кто-то прошёл мимо двери. Шаги замедлились. На секунду мне показалось, что человек остановится, как тогда.

Но он прошёл дальше.

Я легла, не выключая свет.

И впервые подумала не о том, что сила может сделать с другими.

А о том, что она уже делает со мной.

Глава 12. Огонь и лёд

Кира пришла раньше нас.

Это было неправильно уже потому, что мы с Викой никому не говорили, где встретимся. По крайней мере я не говорила. Вика тоже клялась, что молчала, а Даша вообще до последнего думала, что мы идём пить кофе и делать вид, будто жизнь стала обычной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.